

**Взгляд в будущее:
системно-динамическое моделирование
политической трансформации региональных элит
(Россия, 2021 – 2035 гг.)**

**A look into the future: System-dynamic modeling of the
political transformation of regional elites
(Russia, 2021–2035)**

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-23-55

УДК 32

Получено: 24.02.2021

Одобрено: 14.07.2021

Опубликовано: 25.09.2021

Жуков Д.С.

канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
e-mail: ineternatum@mail.ru

Zhukov D.S.

PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Political Science, G.R. Derzhavin Tambov State University.
e-mail: ineternatum@mail.ru

Сельцер Д.Г.

д-р полит. наук, профессор кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
e-mail: seltser@yandex.ru

Seltser D.S.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Relations and Political Science, G.R. Derzhavin Tambov State University.
e-mail: seltser@yandex.ru

Аннотация

Цель исследования – конструирование и анализ вариантов трансформации российских региональных административно-политических элит в 2021–2035 гг. Авторы стремились не только отыскать наиболее позитивные варианты и оценить их вероятность, но и описать условия их реализации. Представлены семь прогностических сценариев развития региональных элит. Эти сценарии сконструированы в ходе компьютерных экспериментов с *системно-динамической моделью*, которая реализуется в Powersim Studio 10. В модель включены основные механизмы и каналы рекрутирования элит, а также акторы, воздействовавшие на систему элитозамещения. Исследование является продолжением работы, опубликованной ранее в «Журнале политических исследований» и посвященной реалистическому и контрафактическим сценариям трансформации элит в 1985–2019 гг. Географические рамки, в которых модель может быть применена, включают – с некоторыми оговорками – европейскую часть России (кроме столиц, а также наиболее северных и южных регионов). Моделирование показало, что некоторые прогностические сценарии являются негативными и даже катастрофическими для прогресса региональных элит и, в целом, для

отношений по линии «федеральный центр – регионы». Причем, подобные сценарии инициируются не только некоторыми маловероятными событиями вроде «российского майдана» (сценарий «Украинизация»), но и ошибочными действиями федеральной власти (сценарий «Регентство»). *Обнаружено*, что введение единых принципов мониторинга и анализа, а также централизованного управления кадровыми процессами (сценарий «Технократия») в регионах может решить все три ключевые проблемы эволюции элит, а именно – поддержание лояльности элит, достижение их приемлемого качества и обретение ими легитимности.

Ключевые слова: системно-динамическая модель, компьютерный эксперимент, прогноз, российская региональная элита, административно-политическая элита.

Abstract

The *purpose* of this study is to examine the ways in which the Russian regional administrative and political elites can change in 2021–2035. The authors attempted not only to find the most positive variants, but also to assess their probability and to describe the conditions for their implementation. There are seven predictive scenarios for the development of regional elites, which were constructed as a result of computer experiments with a *system-dynamic model*. The developed model is implemented in Powersim Studio 10. The model encompasses the main mechanisms and channels for recruiting elites as well as actors that have influenced the elite substitution system. The study is a follow-up to the work that was published in the Journal of Political Research and devoted to realistic and counterfeit scenarios of elite transformation in 1985–2019. The geographic framework within which the model can be applied spans — with some caveats — the European part of Russia. Modeling showed that some predictive scenarios are negative and even catastrophic for the progress of regional elites and for relations «federal center — regions». Moreover, such scenarios can be initiated not only by some unlikely events like the «Russian Maidan» (Ukrainization scenario), but also by erroneous actions of the federal government (Regency scenario). *It has been revealed* that the introduction of unified principles of monitoring and analysis, as well as centralized personnel management (Technocracy scenario) in the regions can solve all three key problems of elite evolution — namely, maintaining elite loyalty, achieving their acceptable quality, and gaining legitimacy.

Keywords: system-dynamic model, computer experiment, forecast, Russian regional elite, political and administrative elite.

Введение

В этой статье представлено продолжение наших работ, сфокусированных на изучении российских элит посредством инструментария системно-динамического моделирования (СДМ). Первый этап этих изысканий был концентрированно изложен в статье в «Журнале политических исследований» в 2019 г.: <https://naukaru.ru/ru/storage/download/44074> [11].

Мы разработали системно-динамическую модель, которая имитирует закономерности, институты и механизмы, обеспечивающие рекрутирование региональных административно-политических элит в 1985–2020 гг. С помощью виртуальных экспериментов с моделью в программе Powersim Studio 10 удалось построить реалистичный сценарий, на основе которого модель была верифицирована посредством сопоставления с историческими реалиями. Модифицировав вводные данные, мы получили сценарии трансформации элит, в той или иной мере отличные от реалистичного. Этот прием был использован ранее для получения исторических контрфактических – альтернативных – сценариев (четыре серии экспериментов), предназначенных для изучения генезиса и потенциала современной системы воспроизводства региональных элит [10; 11].

В этой статье представлены семь прогностических сценариев, которые исходят из разных событий и обстоятельств, которые гипотетически могут возникнуть в ближайшем будущем. Это – результат пятой серии компьютерных экспериментов с моделью.

Цель исследования – конструирование и анализ вариантов трансформации системы рекрутирования региональных административно-политических элит и изучение возможных сценариев эволюции таковых элит в 2021–2035 гг. Мы стремились не только отыскать наиболее позитивные варианты, оценив их вероятность, но и описать условия их реализации.

Эмпирическая база и литература

Эмпирическая база, использованная для построения модели, охватывала статистику и аналитику по семи центральным и поволжским регионам. «Эти сведения были синтезированы и формализованы в виде экспертных оценок, которые послужили исходными данными для моделирования» [10]. Географические рамки, в которых модель может быть применена, включают – с некоторыми оговорками – европейскую часть России (кроме столиц, а также наиболее северных и южных регионов).

Эмпирическая база частично представлена в наших работах [20; 21]. Огромный объем сведений, необходимых для построения модели, был извлечен из работ российских и зарубежных исследователей [2–5; 7–8; 13–15; 17–19; 23; 26–27; 32–36; 38; 40].

Инструментарий СДМ является результатом обширных теоретических и прикладных изысканий [6; 16; 25], широко распространен в разных дисциплинах. СДМ привлекло внимание и отечественных исследователей [1]. В ряде публикаций содержатся примеры решения политологических проблем посредством СДМ [28–30; 39].

Методы

Компьютерные эксперименты дают возможность воспроизвести эволюцию системы в виртуальной среде в ускоренном времени. Корректировка отдельных вводных условий и событий в ходе таковых экспериментов позволяет получить новые сценарии – ветки эволюции, – в которых можно изолированно («при прочих равных условиях») рассмотреть последствия корректировок, внесенных экспериментатором. Благодаря компьютерному моделированию, этот подход, который с успехом применяется в естественных науках, можно импортировать и в социальные дисциплины.

Н. Гильберт с коллегами так пишет об эвристической продуктивности подобных экспериментов: «Вычислительные модели политики могут работать... с контрфактическими предположениями... в соответствии с *ceteris paribus* (допущением, что все другие условия, кроме указанных, остаются неизменными – *авторы*). Используя модели политики, мы можем исследовать альтернативные решения, просто опробовав вариации параметров в модели, и экспериментировать с контекстно-зависимыми моделями с близкими, средними и далекими временными горизонтами...» [31].

Общие принципы и некоторые важные нюансы разработанной системно-динамической модели изложены нами в ряде статей. Однако здесь необходимо кратко вернуться к этим вопросам для того, чтобы сформировать целостное описание предпринятого нами исследования.

«Объект моделирования состоит из двух групп элиты (в терминологии СДМ – “запасов” или “уровней”). Во-первых, это “административная элита среднего и низшего звена” – основная масса региональных чиновников и деятелей местного самоуправления. Во-вторых, это “административно-политическая элита высшего звена” – лица, которые имеют возможность принимать решения по существу региональной политики (включая формирование и расходование бюджетов) или влиять на подобные решения.

Модель показывает, из каких социальных источников пополняются эти группы в течение рассматриваемого периода, как меняется состав элиты, какие факторы (усилия различных социально-политических сил, решения властных органов и пр.) влияют или могут повлиять на эти процессы» [12].

В рамках СДМ любая модель формализуется и визуализируется в виде диаграммы запасов и потоков. Диаграмма разработанной нами модели представлена на рис. 1, легенда – в табл. 1. «Диаграмма показывает:

- какими “потоками” (каналами социального передвижения людей) связаны “запасы” между собой, а также с социальными резервуарами, из которых элита пополняется новобранцами,
- какие “механизмы” (институты) регулируют эти “потоки”,
- какие акторы (политические и социальные силы) влияют на функционирование “механизмов”;
- какими информационными коннекторами связаны сами акторами, то есть как они влияют друг на друга.

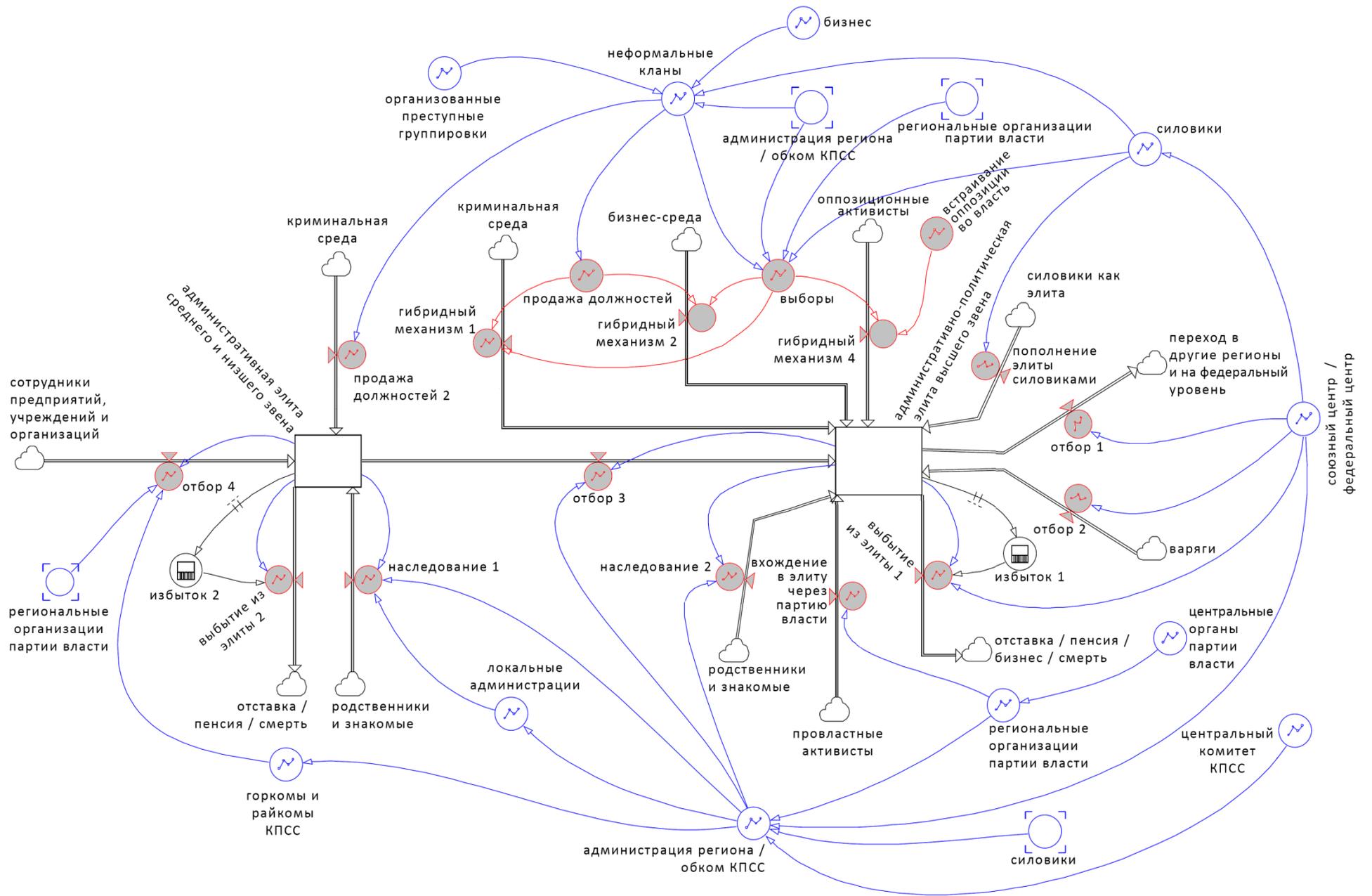
Единица времени (такт) в модели равен полугоду. Первый такт соответствует первой половине 1985 года, 70-й такт – второй половине 2019 года» [10]. В наших предшествующих публикациях представлены и подробно обсуждены социальные и политические смыслы диаграммы [11], а также математический аппарат модели [12].

Модель является метатемпоральной: «она сочетает несколько качественно разных исторических периодов, в течение которых действовали разные социальные и политические институты. Поэтому в модели некоторые элементы в течение некоторых периодов могут быть отключены. Например, актор “ЦК КПСС” после 1991 года не функционировал» [12].

Таблица 1

Обозначения элементов диаграммы запасов и потоков

Графические элементы	Названия в данной модели	Термины, принятые в СДМ
	звенья	запасы / уровни / переменные уровней
	потоки / каналы	потоки / материальные связи
	среды / социальные резервуары	внешние источники
	механизмы	переменные темпа
		вспомогательные переменные
	акторы	вспомогательные переменные
	влияние	коннекторы / информационные связи
	ярлыки	ярлыки / псевдонимы

Общая характеристика сценариев

Формальные количественные параметры сценариев даны в Приложении 1, а здесь представлены их сюжеты и качественное описание. Исходные данные для построения модели, полные результирующие данные, модификации модели для всех экспериментов (в формате Powersim 10) доступны онлайн на сайте Центра фрактального моделирования: <http://ineternum.ru/sdm-pr/>. Таким образом, обеспечена возможность репликации исследования.

Все предложенные прогностические сценарии исходят из одного или комбинации нескольких источников, а именно: (1) исторический опыт, полученный в ходе недавних реформ регионального управления и в результате проведения региональной кадровой политики; (2) заявления, сделанные политиками первого ранга и включенными в документы стратегического планирования; (3) очевидный и признанный в научной литературе потенциал развития региональных управленческих элит. Первые четыре сценария предусматривают сохранение В.В. Путина на посту главы государства; три других сценария предполагают его уход с теми или иными последствиями.

Необходимо заметить, что виртуальные сценарии (как, собственно, и сама компьютерная модель) – это всегда упрощение. Сценарии не воспроизводят всего многообразия событий, процессов и обстоятельств. Однако если смотреть на сценарии не как на предсказания, а как на аналитический инструмент, то очевидна их эвристическая польза. Прогностические сценарии выявляют некоторые векторы развития, тренды, осевые закономерности, исходя из которых можно – с высокой долей вероятности – предполагать возможные последствия тех или иных решений. В этом смысле прогнозы являются ценным результатом вне зависимости, реализуются они или нет, поскольку дают возможность ориентироваться в будущей политике.

Важная особенность прогностических сценариев, представленных в этой статье, состоит в том, что они являются некорректируемыми. Каждый сценарий инициируется некоторым комплексом событий и обстоятельств в ближайшем будущем. Затем мы можем наблюдать результаты вплоть до 2035 г. Причем, корректировки в управляющие факторы на основании таковых новых результатов не вносятся. Такой подход несколько упрощает сценарии, но, с другой стороны, делает их менее произвольными. Мы не пытаемся предполагать, как управляющие субъекты в конце 2020-х – начале 2030-х годов будут реагировать на вновь возникшие к тому времени обстоятельства, и по умолчанию предполагаем, что их линия поведения останется неизменной. Мы лишь реконструируем, какие последствия в ближайшем будущем могли бы иметь вполне реальные современные проблемы и в той или иной мере вероятные способы их решения.

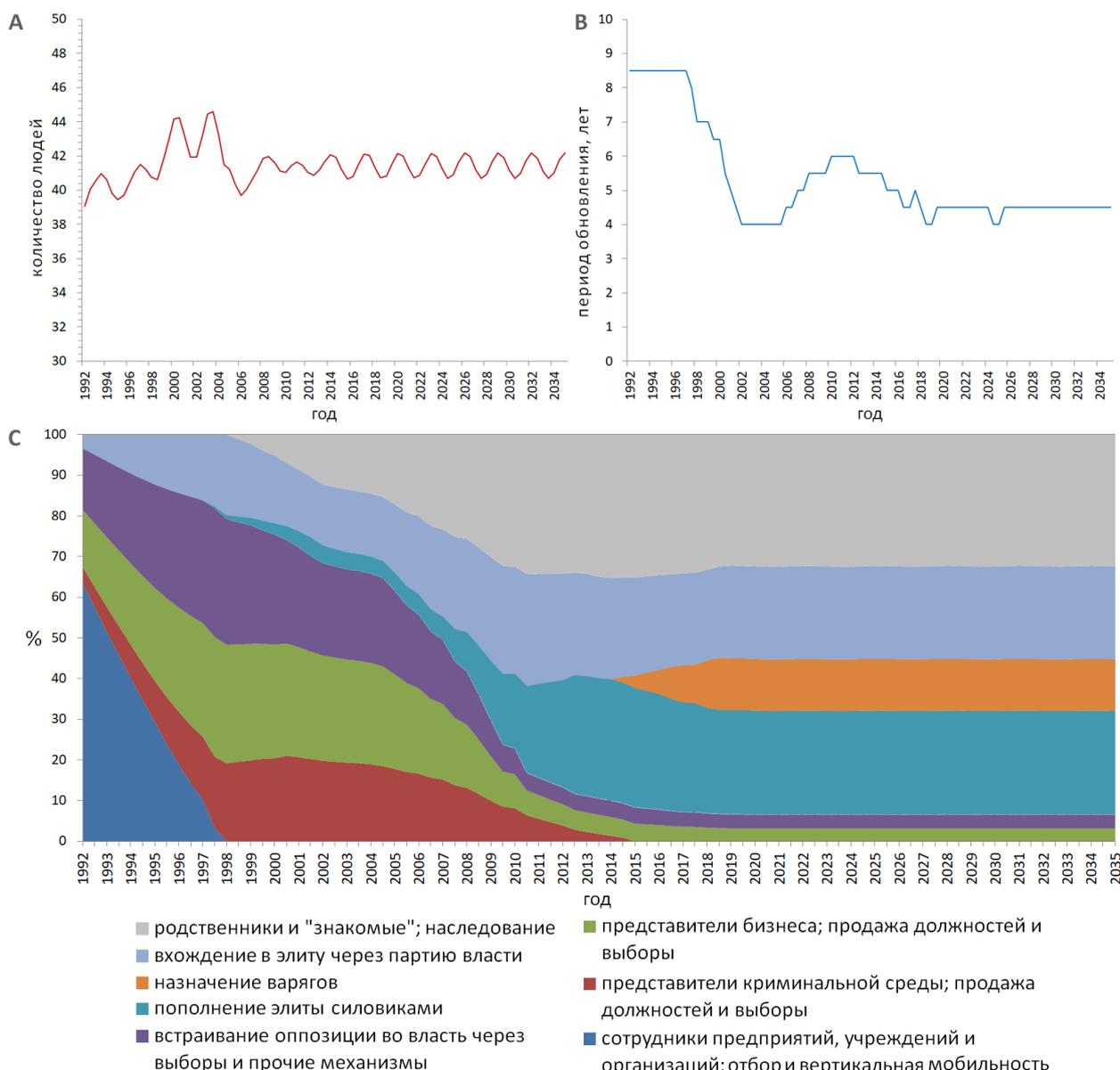
Результаты и интерпретации

Инерционный сценарий

Сценарий 5.0 построен на основе реалистичного сценария, который в целом совпадает с состоявшейся эволюцией элиты в 1985–2019 гг. Инерционный сценарий показывает, что произойдет, если все управляющие факторы модели будут зафиксированы на уровне 2019 г. на протяжении нескольких лет вплоть до 2035 г. Инерционный сценарий не отвергает гипотетическую возможность отдельных косметических изменений и, в отдельных случаях, ручную коррекцию некоторых провалов региональных элит. Однако таковые отклонения рассматриваются как локальные временные аномалии, не повлиявшие на общий ход исторического процесса.

В силу избранного подхода к экспериментированию, инерционный сценарий на 2022–2035 гг. представляет собой «день сурка», т.е. постоянное воспроизведение ситуации, сложившейся в настоящий момент (в 2019–2021 гг.) – рис. 2 и 3. Однако в контексте этого исследования инерционный сценарий интересен тем, что показывает текущий расклад сил в

элите, а также вектор и результат усилий государства (федерального центра) по трансформации региональных элит, правил и механизмов их рекрутирования.

*

В ряде наших предыдущих статей мы уже описали реалистичный сценарий, продолжением которого и является инерционный сценарий. «В течение первого этапа (1991 – 1998 годы) численного перевеса... и господствующего положения внутри элиты добились группы, которые в силу своих сущностных качеств не были лояльными по отношению к

* Величина на графиках В на рис. 2–15 показывает для каждого полугодия, за какое минимально необходимое предшествующее время элита пополнится таким количеством новобранцев, которое приблизительно равно численности элиты на данное полугодие. Конечно, некоторые люди вполне могут пережить несколько циклов обновления, но в целом, эта величина указывает на скорость ротации. Некоторые персоны и группы могут покидать элиту несколько медленнее, нежели другие. Поэтому состав новобранцев, вошедших в элиту в течение минимального периода обновления (диаграммы С на рис. 2–15), дает лишь приблизительное представление о распределении позиций в элите на каждое полугодие, хотя весьма репрезентативно показывает тенденции изменения долей разных групп. Далее мы, несколько упрощая реальную ситуацию, будем отождествлять «состав новобранцев в течение минимального периода обновления» с «составом элиты».

федеральному центру. Это представители оппозиции, криминальной среды и бизнес-сообщества. После 1991 года старые номенклатурные кадры были быстро вытеснены новобранцами именно из этих социальных резервуаров» [10].

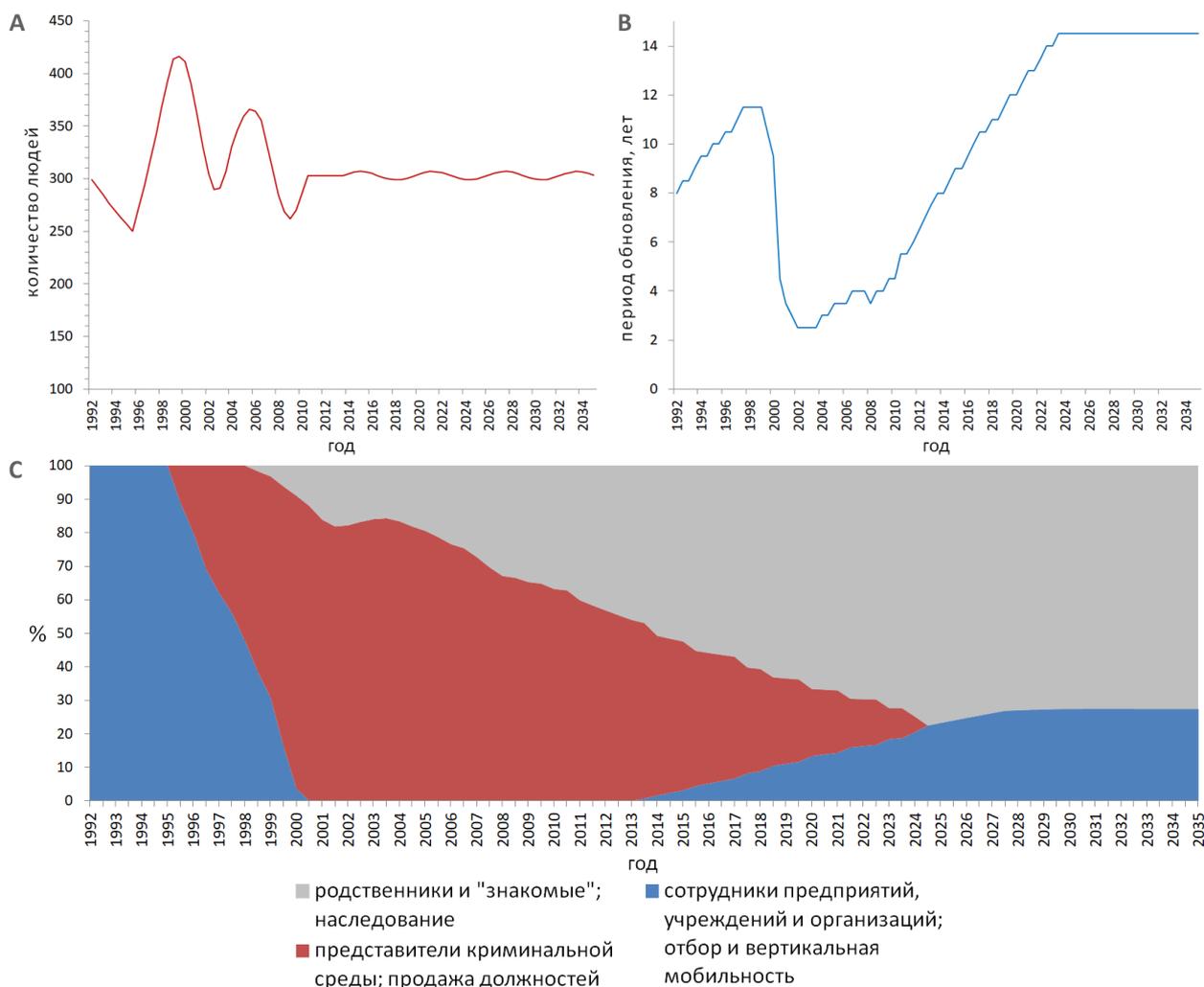

Рис. 3. Результаты моделирования, сценарий 5.0, среднее и низшее звенья. А – динамика суммарной численности звеньев. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

«К концу этого этапа федеральный центр непосредственно столкнулся с тремя системными проблемами, угрожавшими как целостности страны, так и, собственно, существующей власти на федеральном уровне. Во-первых, это неуправляемость региональных элит; во-вторых, делегитимация элит и отчуждение власти и населения; в-третьих, катастрофическое падение качества элит (депрофессионализация, коррумпированность, приватизация государственных функций). Адресатом недовольства народа, как правило, становились не только и не столько регионалы, сколько федеральные властные институты, которые инициировали многие деструктивные процессы.

Содержание второго этапа (1998 – 2009 гг.) определялось попытками обновляющегося и, спустя время, обновленного федерального центра переломить негативные тенденции, используя наиболее доступные и быстрые инструменты. Политика выстраивания вертикали власти, проводимая новым президентом В.В. Путиным, предусматривала, среди прочего, препятствование (а затем и полный запрет) проникновению криминала в органы власти, а также ослабление роли выборов как механизма формирования местных элит. Это уменьшило приток в элиту бизнеса, криминала и оппозиции. Заметные результаты (в плане изменения состава элиты) такая политика начала давать к 2004 г. Если до поры численное

доминирование указанных групп сохранялось (хотя и медленно убывало), то с этого момента их доля в элите начала быстро и неуклонно сокращаться.

Бизнес, криминал и оппозиция в составе элиты уступили место не только выдвиженцам партии власти, варягам и силовикам (их влияние и доля росли до 2010 г. довольно медленно), но, главным образом, представителям группы, которую мы обозначили как «родственники и знакомые». Это люди, которые получили элитные позиции, постольку состояли в разного рода личных отношениях с представителями уже существующей элиты. Механизм рекрутирования таких людей мы обозначили как «наследование». Рекрутирование элиты на основании личных связей порождено естественным стремлением элиты как социальной группы к замыканию, к наследованию и воспроизводству в поколениях своего статуса» [10].

Давление на региональные элиты со стороны федерального центра с целью сделать их более лояльными дало положительные результаты в плане укрепления единства страны и повышения управляемости регионов. Вместе с тем, такое давление произвело негативный побочный эффект, превратившийся в системную проблему. Речь идет о сохранении (хотя и в меньшей мере, нежели в ельцинский период) невысокого качества элит и их слабой легитимности. «Борьбой государства за оздоровление элиты в полной мере воспользовались не провластные силы, а именно традиционалистские институты, которые очень быстро возродились и отмобилизовались» [11].

Таким образом, в реалистичном сценарии из всех задач, стоящих перед федеральным центром, в полной мере к 2019 г. была решена только проблема лояльности региональных элит: в высшем звене совокупная доля силовиков (25,6% позиций), варягов (12,8%) и выдвиженцев партии власти (22,8%) превысила половину состава элиты. На поддержку со стороны этих групп может рассчитывать федеральный центр в своей региональной политике.

Перспектива решения двух остальных проблем – повышение качества элиты, а также ее легитимности – обозначилась, однако засилье «родственников и знакомых», конечно, не позволяет говорить об абсолютном успехе усилий федерального центра по санации элит. Высокая доля «родственников и знакомых» свидетельствует о социальной архаизации, обуславливает высокую коррумпированность. Кроме того, «наследственная» элита вызывает недоверие общества, отчуждение общества и государства, представляется в сущности нелегитимной в рамках меритократических представлений, свойственных современному российскому обществу.

В ходе нескольких серий компьютерных экспериментов, проведенных нами ранее [11], модель сгенерировала несколько контрфактических исторических сценариев. Эти сценарии исходили из гипотетических (возможных, но нереализованных) решений, принятых государством в прошлом (в ходе так называемых «развилок») и повлиявших на исход эволюции элит. Было показано, что в сценариях, близких к реалистичному (т.е. в наиболее вероятных), некоторые альтернативные решения не ведут к лучшим исходам, нежели в реалистичном сценарии. Причина этого заключается в том, что система рекрутирования не развивалась в вакууме и не была мягкой глиной в руках федерального центра. Она испытывала подавляющее влияние социально-экономических трансформаций в стране: таких как приватизация и переход к капитализму, криминализация, ослабление центральной власти и пр. При всех его недостатках, реалистичный сценарий в его второй и третьей фазах показал наилучшие результаты из возможных.

Таким образом, сохранение статус-кво в предстоящие годы в инерционном сценарии – вплоть до горизонта прогнозирования в 2035 г. – не является негативным или, тем более, катастрофическим вариантом развития событий. Вполне возможно, что при наличии иных острых общенациональных проблем такая политическая линия и будет избрана.

Однако следует отметить, что, во-первых, из трех мотивов государственной политики в отношении региональных элит, два остались нереализованными (повышение качества и легитимности). Во-вторых, федеральная политика в отношении региональных элит может испытывать серьезное влияние со стороны общего политического (и даже геополитического)

контекста – общенациональные и глобальные события, проблемы и угрозы вполне могут заставить центр вновь вернуться к попыткам реформировать региональную систему рекрутирования, саму административно-политическую элиту и управленческий аппарат. Поэтому можно предположить, что вполне вероятным является продолжение активной преобразовательной деятельности центра в регионах. Соответственно, это порождает некоторый веер перспектив, каждая из которых инициируется теми или иными решениями и обстоятельствами, которые гипотетически могут состояться / возникнуть в ближайшие годы.

Умеренная технократия

Сценарий 5.1.1 предусматривает создание в России в ближайшие годы элементов технократического политического режима. Он включает в себя всеобъемлющую систему контроля федерального центра над системой подбора и расстановки региональных кадров (во всех звеньях аппарата управления).

Советская номенклатурная система могла существовать благодаря разветвленной иерархии партийных организаций, которые своими низовыми ячейками были интегрированы в жизнь предприятий, учреждений и советских органов. Это позволяло фиксировать ключевые характеристики каждого кандидата на занятие любого сколько-либо важного поста, отслеживать его карьерную траекторию, создавать и поддерживать унифицированные требования к кандидатам, систему норм, запретов и фильтров, обеспечивающих качество элиты. После департизации 1991 г. в стране не осталось институтов, которые обладали бы аналогичными возможностями и, что не менее важно, мотивами для реализации подобной кадровой политики.

Однако современные информационные технологии сделали возможным возрождение общенациональной системы подбора кадров без необходимости восстановления некоей «сети партийных ячеек на местах». Вектор таковой кибертрансформации власти обозначен во многих государственных решениях и программных документах, обнародованных в последние годы. Более того, уже сейчас созданы и испытываются в разных странах отдельные компоненты систем рейтингования чиновников (и даже простых граждан) на основании разнообразных исчисляемых индикаторов.

В рамках этого сценария получили развитие масштабные базы данных, в которых агрегируются, хранятся и структурируются сведения о гражданах. С ними тесно связаны технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые могут быть использованы для поддержки массовых политических решений. Политический ИИ, по существу, стал еще одним компонентом политической системы. В одной из наших статей мы описываем потенциал политического ИИ. «Ключевое преимущество ИИ – возможность быстрой обработки больших данных с нечетко сформулированными задачами. Это преимущество делает ИИ пригодным для мониторинга поведения и мышления, а также для выработки персонализированной политики относительно огромного множества отдельных людей. ИИ способен “увидеть” буквально каждого гражданина – его жизненную траекторию, позицию, характеристики, поведение, настроения, мотивы и цели – и выстроить политику специально для него. Агрегаторы данных делают прозрачным любого человека, если он по той или иной причине попал в поле зрения владельцев или иных привилегированных пользователей. Но современные люди излучают настолько много информации о себе, что ни одна сколь угодно разветвленная “человеческая” организация не может отразить всех граждан как отдельные единицы. Некий достаточно могущественный наблюдатель может видеть любого человека, но не может одновременно осмысливать, что делает каждый из нас, и что необходимо предпринять относительно каждого из нас. Создание политического ИИ позволит решить эту задачу.

Следовательно, политический ИИ откроет возможности полной персонализации политики – политики некоего субъекта (будь то общество, государство, мега-корпорация, спецслужбы и пр.) по отношению к отдельному гражданину... Наиболее масштабным опытом создания такой системы является китайский рейтинг социального доверия (social credit system) –

РСД... Рейтинг использует именно западные – технократические – подходы к применению исчисляемых индикаторов для оценки институтов и персон. Сама по себе рейтинговая система не представляется “исключительно китайским” методом социального реинжиниринга и является всего лишь логическим и передовым воплощением имеющихся глобальных тенденций» [9].

Д. Мак-Шисей и М. Симс полагают, что «эволюционирующие формы китайской системы следует рассматривать как конкретный пример более широкого явления. В конце XX века возросла популярность [числовых] ключевых показателей эффективности..., что стало частью новой революции в области государственного управления» [37].

Искусственный интеллект и масштабные системы сбора данных, имеющих отношение к кадровой политике, позволили федеральному центру в сценарии 5.1.1 непосредственно активировать и контролировать механизмы отбора в низшие, средние и высшие звенья региональных элит (см. рис. 16 в Приложении). Для управленца на протяжении всей его карьеры рассчитывался по единообразной методике индекс государственного доверия. Система сбора информации, обработки и сопоставления персональных данных с квалификационными требованиями управлялась непосредственно из федерального центра.

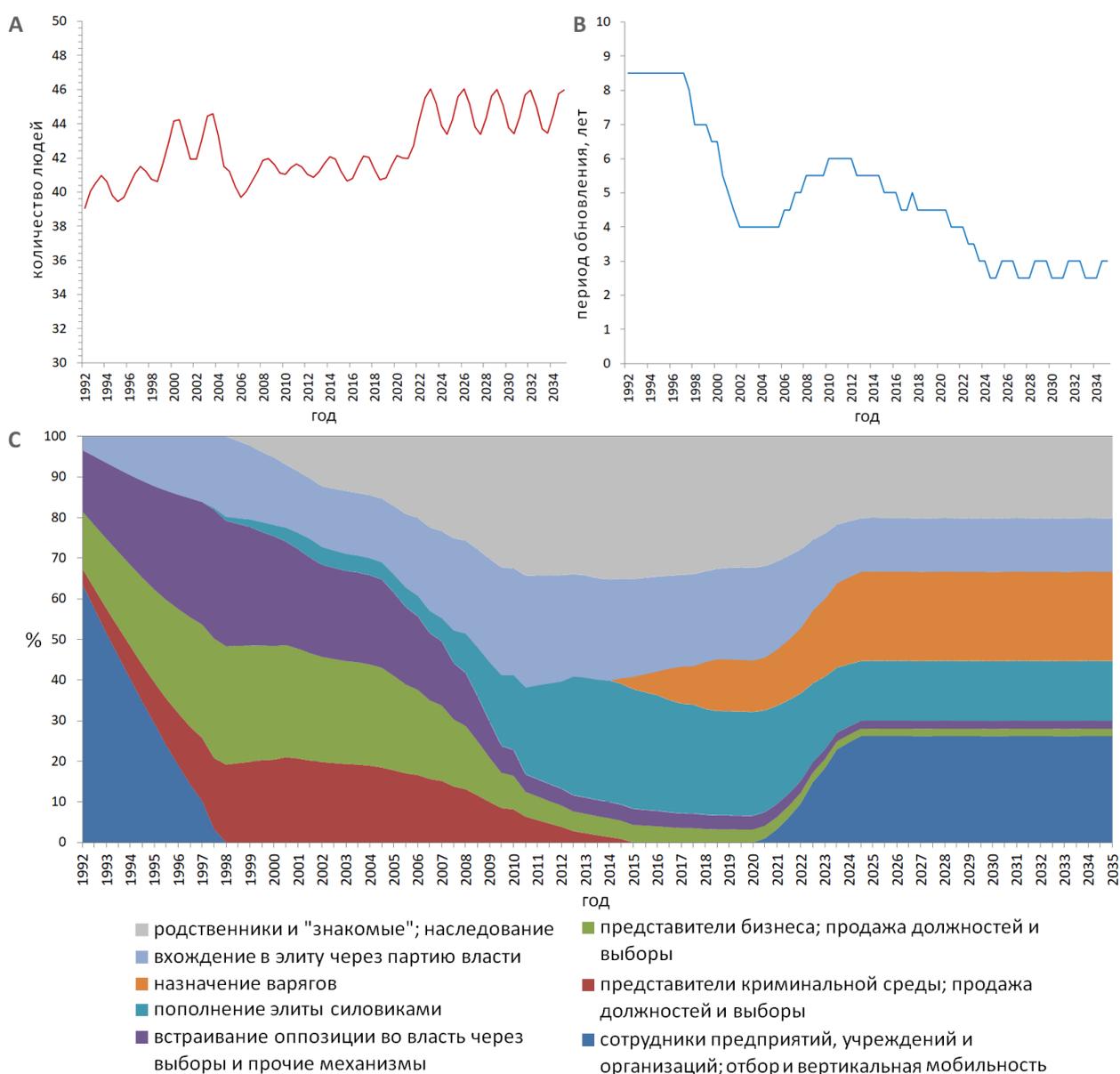

Рис. 4. Результаты моделирования, сценарий 5.1.1, высшее звено. А – динамика численности звена. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Причем, применение беспристрастного и, в некотором роде, «всезнающего» ИИ позволяло позиционировать подобную систему лифтов и фильтров как максимально справедливую – предоставляющую преимущества лучшим кандидатам. Легитимность региональной власти опиралась не столько на выборные процедуры, сколько на меритократические принципы ее комплектования. Такая справедливость технически была бы невозможна без политического ИИ. Образцом в данном случае выступил Китай. «КНР рассматривает ИИ, – пишет С.Н. Федорченко, – как дополнительный элемент для упрочения легитимности существующего политического режима» [24]. Он также отмечает, что «современным цифровым автократиям, кроме типично цифровых приемов контролирования населения, присуще... влияние технократии на политические процессы (координация элиты с учетом легитимационных целей режима)» [22].

Наряду с управлением процессами вертикальной мобильности внутри региональных элит, федеральный центр увеличил насыщение высшего звена элит варягами – т.е. людьми, включенными в общефедеральную систему отбора и мобильности. Старые региональные элиты оказались сдавлены, как клещами, двумя потоками новобранцев-технократов – потоком извне (варяги) и изнутри (рекруты политического ИИ). Заметим, что возвышение технократии не умаляло влияния на региональные процессы силовиков, а лишь дополняло их усилия по реализации федеральной политики на местах.

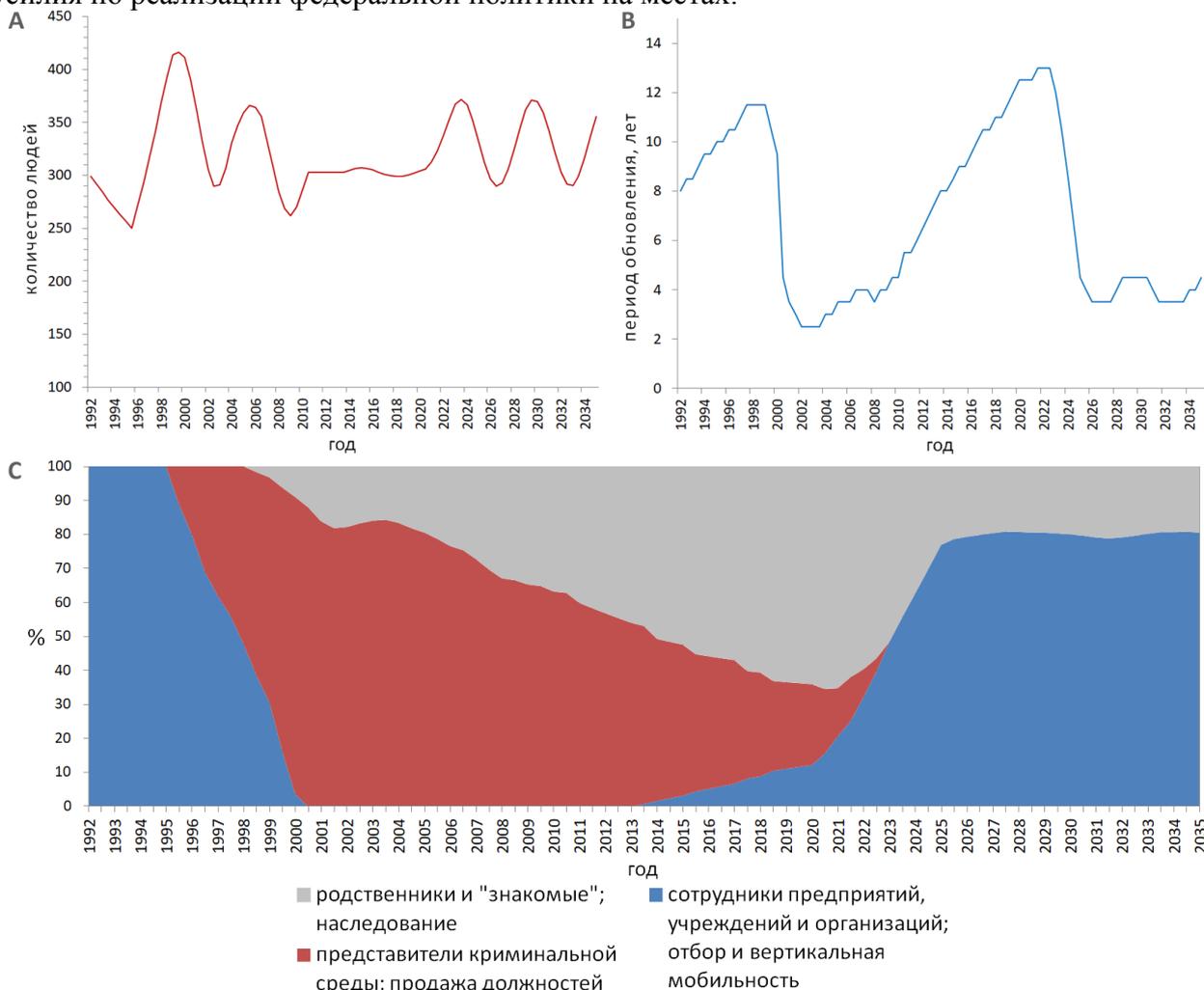

Рис. 5. Результаты моделирования, сценарий 5.1.1, среднее и низшее звенья. А – динамика суммарной численности звеньев. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Во всех звеньях элиты (рис. 4В и 5В) можно наблюдать существенное сокращение периода минимального обновления: в высшем звене в некоторые периоды эта величина опускается до 2,5 лет, а в среднем и низшем звеньях – до 3,5 лет. Последняя величина особенно критична, поскольку создает угрозу депрофессионализации и разрушения преемственности в том сегменте административного аппарата, который отвечает за каждодневное рутинное управление. Дело в том, что сокращение периода обновления означает, что за относительно короткое время элиту покидает и в элиту рекрутируется значительное количество людей. Решительная активизация федеральным центром некоторых (давно отключенных) механизмов пополнения привела к переполнению элиты и обострению внутренней борьбы в ней. Следует предположить, что новобранцы-технократы вытесняли некоторые старые группы – как мы увидим далее, это, прежде всего, «родственники и знакомые».

Заметим, что в сценарии 5.1.1 федеральный центр не отключил другие механизмы, чтобы ослабить возросшую конкурентность и текучесть кадров внутри аппарата. Такая политика проводилась в старом духе: посредством осторожных – неразрушающих – шагов и отдельных институциональных «пристроек» к имеющейся системе рекрутирования.

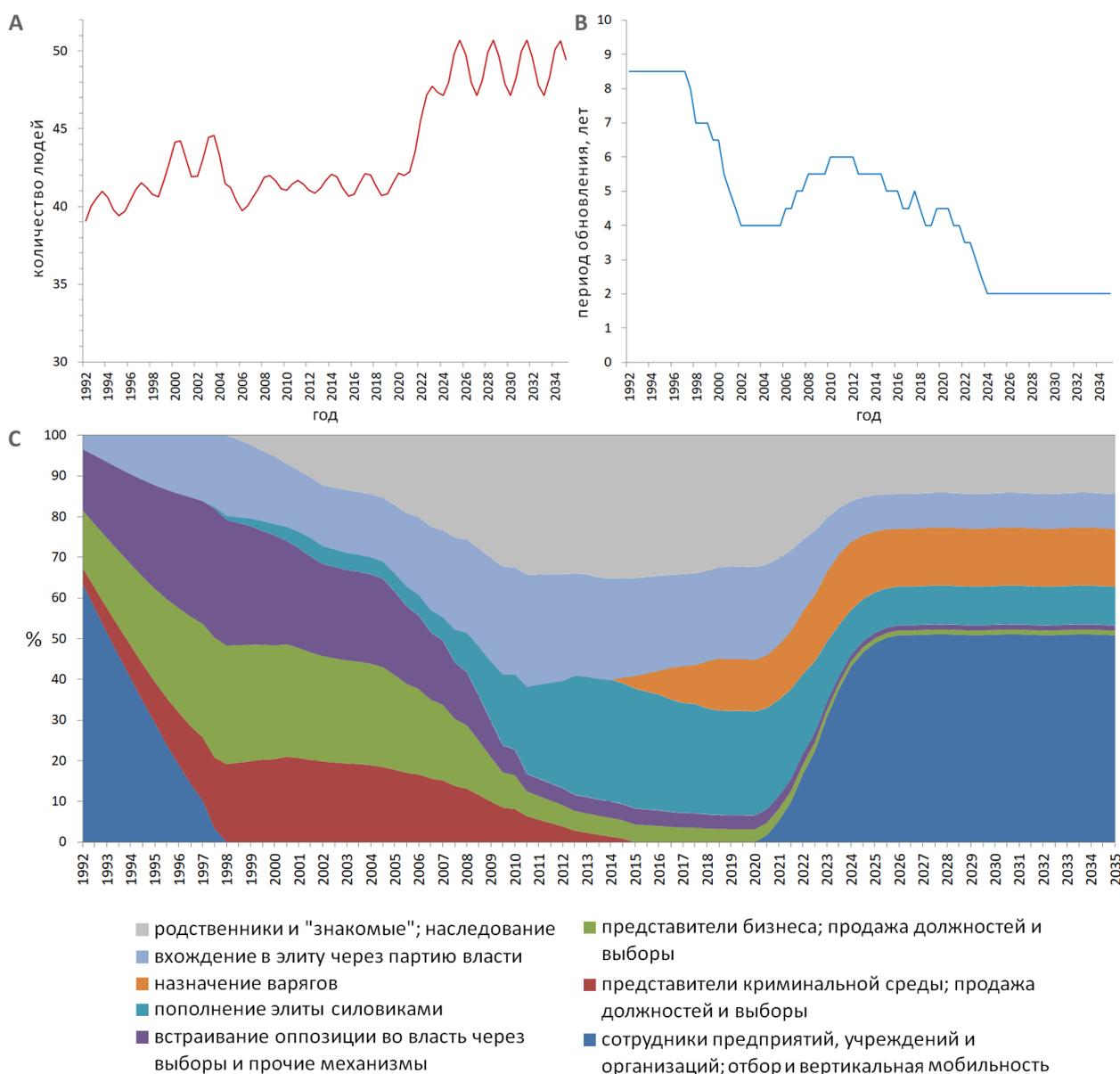

Рис. 6. Результаты моделирования, сценарий 5.1.2, высшее звено. А – динамика численности звена. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Если рассматривать структуру элиты, то данный сценарий можно назвать весьма многообещающим. В высшем звене прошедшие через механизмы отбора и вертикальной мобильности карьерные служащие заняли к 2024 г. 22,9% позиций (26,2% – к 2035 г.) и вместе с силовиками (от 14 до 16% в разные годы) и варягами (21 – 22%) составили наибольшую долю в элите. Именно это ядро элиты обеспечило ее легитимность и высокое качество (адекватные управленческие способности и низкую коррумпированность). Лояльность элиты к моменту старта сценария уже была обеспечена.

Хотя ни в высшем звене (рис. 4С), ни в низшем и среднем звеньях (рис. 5С) технократам не удалось вытеснить полностью «родственников и знакомых», доля этой группы несколько сократилась: до 20–22% в 2024–2035 гг. в высшем звене и до 20–23% в 2026–2035 гг. в среднем и низшем звеньях.

Форсированная технократия

На основе описанного выше сценария 5.1.1 мы разработали две его модификации. Первая модификация – 5.1.2 – предусматривала лишь форсирование (в три раза) политики и усилий федерального центра по разблокированию вертикальных карьерных каналов.

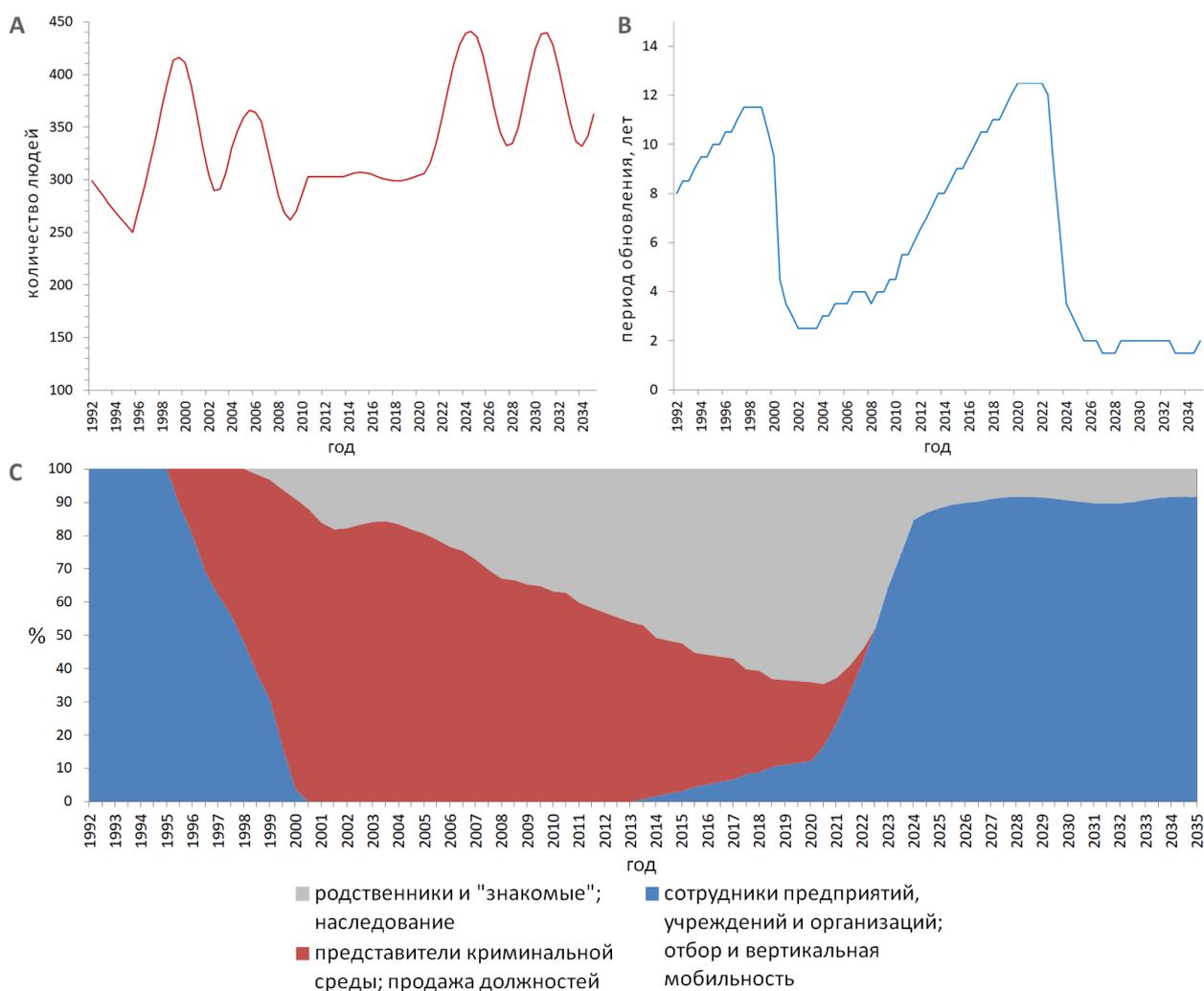

Рис. 7. Результаты моделирования, сценарий 5.1.2, среднее и низшее звенья. А – динамика суммарной численности звеньев. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Сценарий 5.1.2 «Форсированная технократия» оказался не более удачным, нежели умеренная технократия. На рис. 6 и 7 видно, что состав элиты по сравнению со сценарием

5.1.1 улучшился незначительно (например, «родственников и знакомых» так и не удалось искоренить), а негативные эффекты (расколы, конфликты и борьба внутри элиты) усилились. Так, минимальный период обновления для высшего звена в некоторые периоды проваливался до 2 лет, а для среднего и низшего звеньев – до 1,5 лет. Это, конечно, недопустимые величины. Анализ этого сценария показывает, что форсирование даже самой правильной политики само по себе (без связи с иными мероприятиями) не может дать стабильный результат, подобно тому, как нельзя улучшить вкус торта, добавляя к нему неограниченное количество сахара.

Радикальная технократия

Сценарий 5.1.3 исходит из того, что, помимо запуска и централизации механизмов отбора и расстановки кадров (т.е. в добавление к условиям сценария 3.1.1), федеральный центр ослабил или вообще отключил некоторые иные механизмы рекрутирования региональных элит. А именно, на 79 такте в 2024 г. была проведена чистка элиты (сброс 20% от текущей численности звеньев), был введен запрет на «наследование» элитных позиций. Кроме того, технократия с недоверием относилась к бизнесу, партиям и, конечно, криминалу, как к малорегулируемым институтам – своим экзистенциальным антиподам.

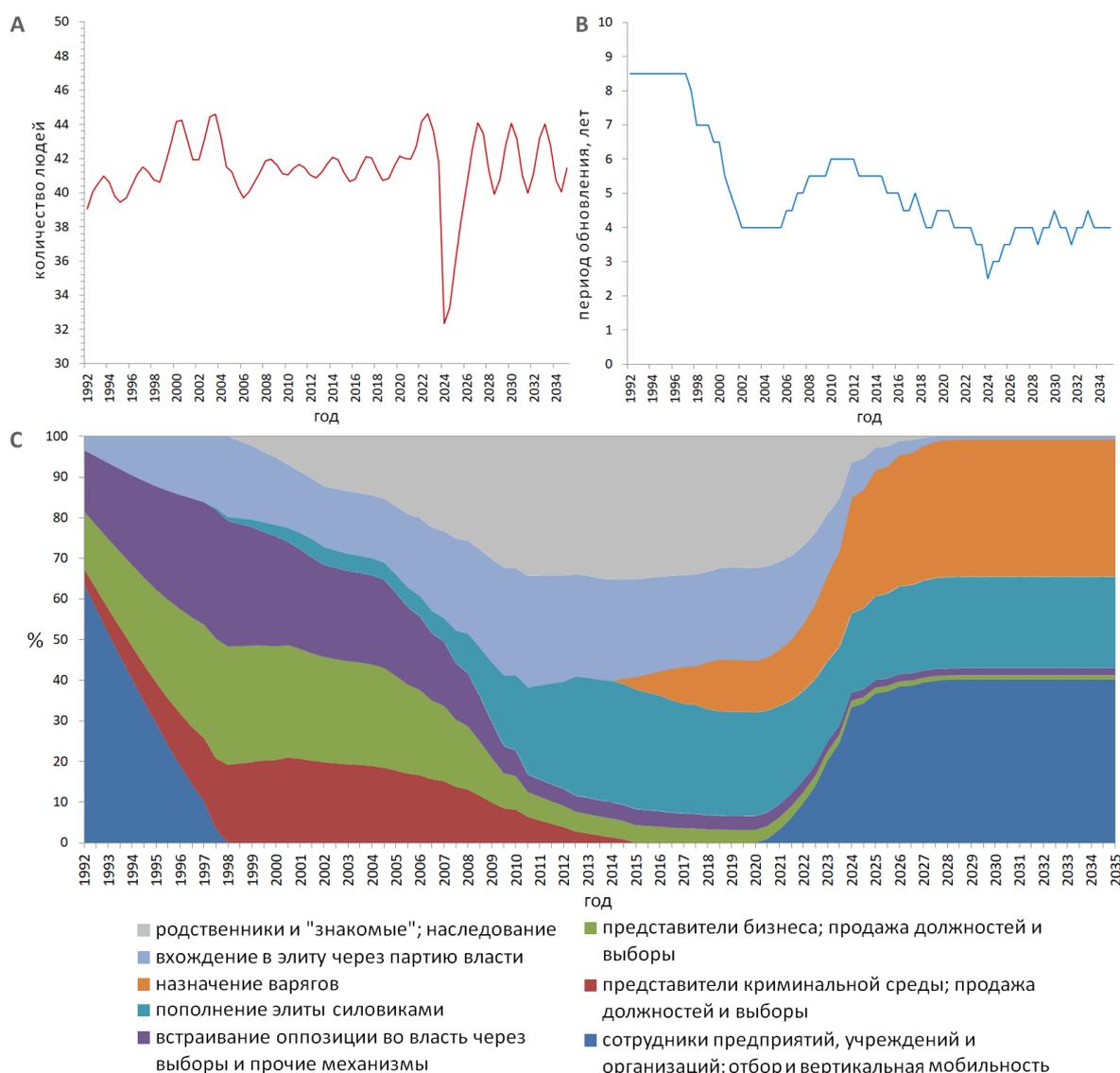

Рис. 8. Результаты моделирования, сценарий 5.1.3, высшее звено. А – динамика численности звена. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Партия власти в новой системе оказалась в некотором смысле лишней, в связи с чем ее влияние уменьшилось. Ведь центр получил инструменты, дававшие ему возможность непосредственно воздействовать на некоторые важные региональные институты без помощи региональных подразделений партии власти. Было также ослаблено влияние на систему рекрутирования региональных администраций. В целом, основной смысл этой политики заключался в отстранении региональных властных и околовластных институтов от формирования собственного социального тела. Подобная политика представляла собой программу глубокого социального реинжиниринга.

Период минимального обновления во всех звеньях элиты (рис. 8В и 9В) в сценарии 5.1.3 увеличился по сравнению со сценариями 5.1.1 и 5.1.2. Это означает, что благодаря радикальной деструкции и ослаблению многих архаичных механизмов федеральному центру удалось умерить чрезмерную остроту внутриэлитных конфликтов.

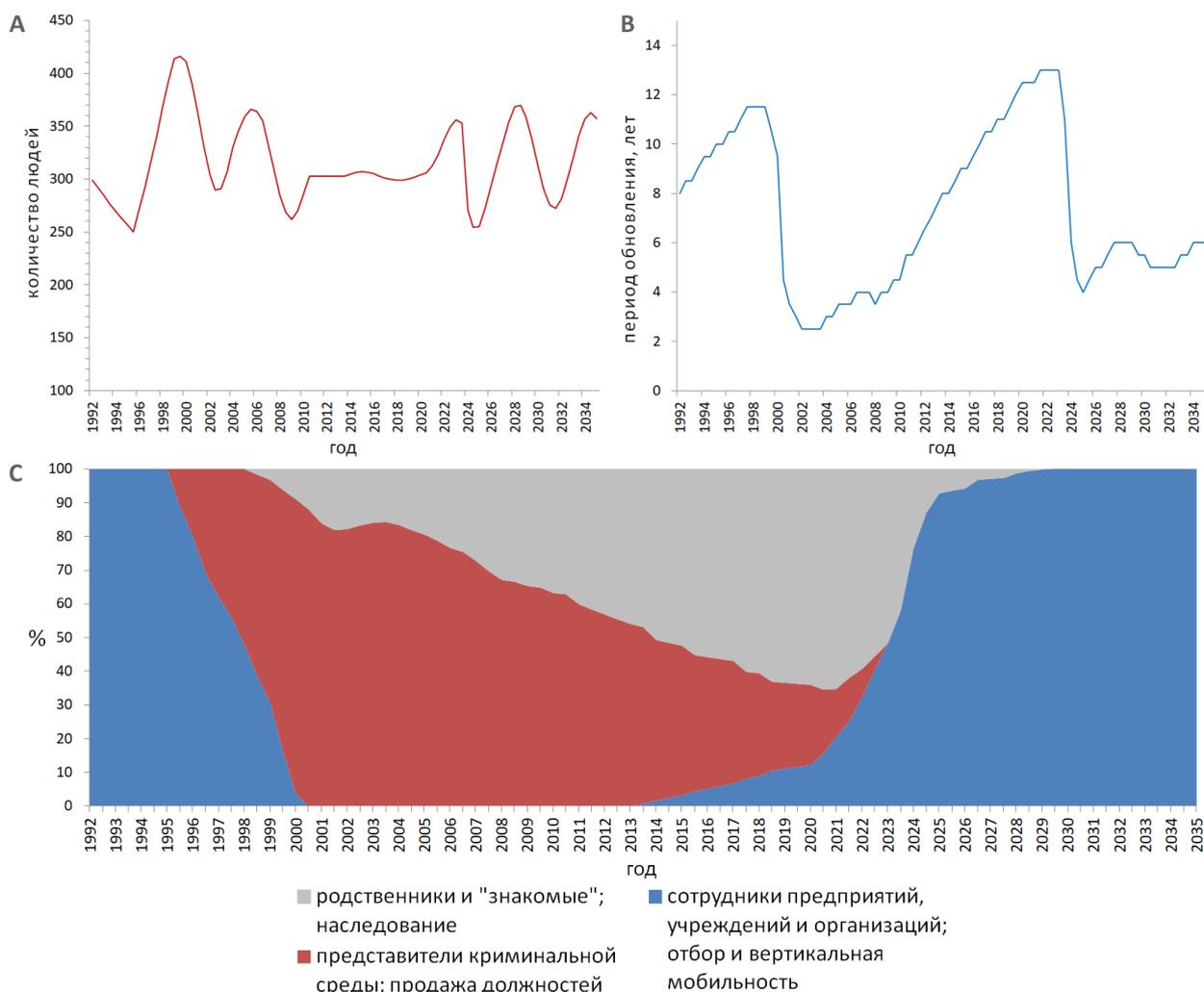

Рис. 9. Результаты моделирования, сценарий 5.1.3, среднее и низшее звено. А – динамика суммарной численности звеньев. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Состав новобранцев (рис. 8С и 9С) указывает на то, что государству удалось добиться воспроизводства качественной, лояльной и легитимной элиты во всех звеньях. Так, в высшем звене к 2027 г. карьерные служащие составили 39,4%, силовики – 22,1%, варяги – 33,2%. В дальнейшем это соотношение оставалось почти неизменным (с незначительными вариациями). В элиту были вкраплены (в очень небольших количествах) представители бизнеса, оппозиции и партии власти. Все эти группы формировали каналы обратной связи от местных сообществ к технократической элите.

«Родственники и знакомые» были вытеснены из всех звеньев. Среднее и низшее звенья, в конце концов, оказались составлены полностью из карьерных служащих, отобранных из числа наиболее талантливых представителей внеэлитной среды. Таким образом, система рекрутирования обеспечивала как пополнение элиты «свежей кровью», так и единую и справедливую карьерную лестницу – канал вертикальной мобильности.

«Радикальная технократия» представляет собой довольно гармоничный и позитивный сценарий. Однако он требует от федерального центра наибольших усилий и весьма масштабного вмешательства в региональные институты, имеющие отношение к воспроизводству элиты. В контексте данного исследования, поэтому, данный сценарий следует рассматривать как некую идеальную умозрительную альтернативу.

«Регентство»

Сценарий 5.2 предусматривает оставление В.В. Путиным поста президента в 2024 г. и относительно безболезненный трансфер власти. Несмотря на отсутствие значимых потрясений, внутри федеральной элиты возникли трения, в ходе которых силовики были лишены части влияния, а лидирующей фракцией стали крупные бизнесмены и высшие чиновники, связанные с Д.А. Медведевым или иным политиком подобного формата.

Сущность сценария емко описывается его названием. После прекращения правления В.В. Путина, при сохранении внешней неизменности и стабильности системы власти, эта система лишилась главного функционального компонента – харизматического лидера. Пришедшие к власти диадохи, а затем – эпигоны, безусловно, не могли занять в системе место В.В. Путина, определяемое долгой историей его отношений с народом, в том числе, в критические моменты жизни страны. Преемники являлись, по существу, регентами – местоблюстителями пустующего престола, способными лишь имитировать функционал ушедшего президента.

Конечно, проблемы внутри системы власти должны были нарастать, однако смысл любой политики «регентства» сводится к попыткам сохранить статус-кво или хотя бы замедлить деградацию режима.

Пытаясь стабилизировать свое положение, преемники-регенты опирались – в том числе, и во взаимоотношениях с регионами и региональными элитами – на наиболее подконтрольные им политические институты (на партию власти) и на наиболее близкие социальные силы (на крупный бизнес). Соответственно, влияние этих компонентов в системе рекрутирования элит повысилось. Одновременно легитимность режима должна была поддерживаться частичным восстановлением значимости выборов как способа пополнения региональных элит. Выборы представлялись механизмом некоторого удовлетворения интересов и амбиций локальных социополитических акторов. Стремясь к достижению нового консенсуса внутри регионов и между регионами и федеральным центром, преемники-регенты инициировали некоторое расширение функций региональных администраций, в том числе, и в сфере элитозамещения.

Глубокое недоверие и даже страх регентов к «приближенным прежнего властителя» – силовикам – предопределили попытки сократить их влияние (а также влияние близких к силовикам варягов) на федеральную и региональную политику.

В целом, коррекции, произведенные в рамках этого сценария, были весьма осторожными, поскольку власть не обладала ни достаточной волей, ни представлением об иной цели, кроме как замедление расшатывания власти.

Основной ставкой «регентства» стала опора на партию власти – формирование своеобразной неопартократии. Возникшая в 2000-х – 2010-х гг. полупартийная система обеспечивала необходимые предпосылки для реализации такого сценария.

В результате вышеперечисленных мероприятий в высшем звене элиты (рис. 10С) закономерно сократились доли силовиков и варягов (до 5,6 и 3,8%, соответственно, к 2027 г.), а затем стабилизировались. На старте сценария эти доли были равны 21,7% (силовики) и 11,1% (варяги). Бизнес и оппозиция, однако, смогли лишь незначительно расширить свое

представительство – до 4,2 и 3,3% соответственно, к 2027 г. и далее. Несмотря на всемерную поддержку федерального центра, представители партии власти также расширили свое представительство менее ожидаемого: их доля возросла с 23% в начале «регентства» до 30,8% к 2027 г., а затем оставалась почти неизменной. Наибольшие выгоды от режима «регентства» получили «родственники и знакомые». Сословие «наследственных управленцев» отвоевало и удерживало 52,2% позиций (к 2027 г. и далее).

Падение минимального периода обновления элиты в некоторые периоды до критических величин (2,5 – 3 года) свидетельствует о том, что в высшем звене шла серьезная борьба: множество людей покидало элиту, и множество рекрутировалось в течение короткого времени (рис. 10В). И в этой борьбе побеждали «родственники и знакомые», успешно вытесняя конкурентов. Скопление «перед дверями элиты» большого количества претендентов на «кормление» в аппарате также способствовало текучести кадров: все «свои люди» должны успеть посидеть на «хлебных местах».

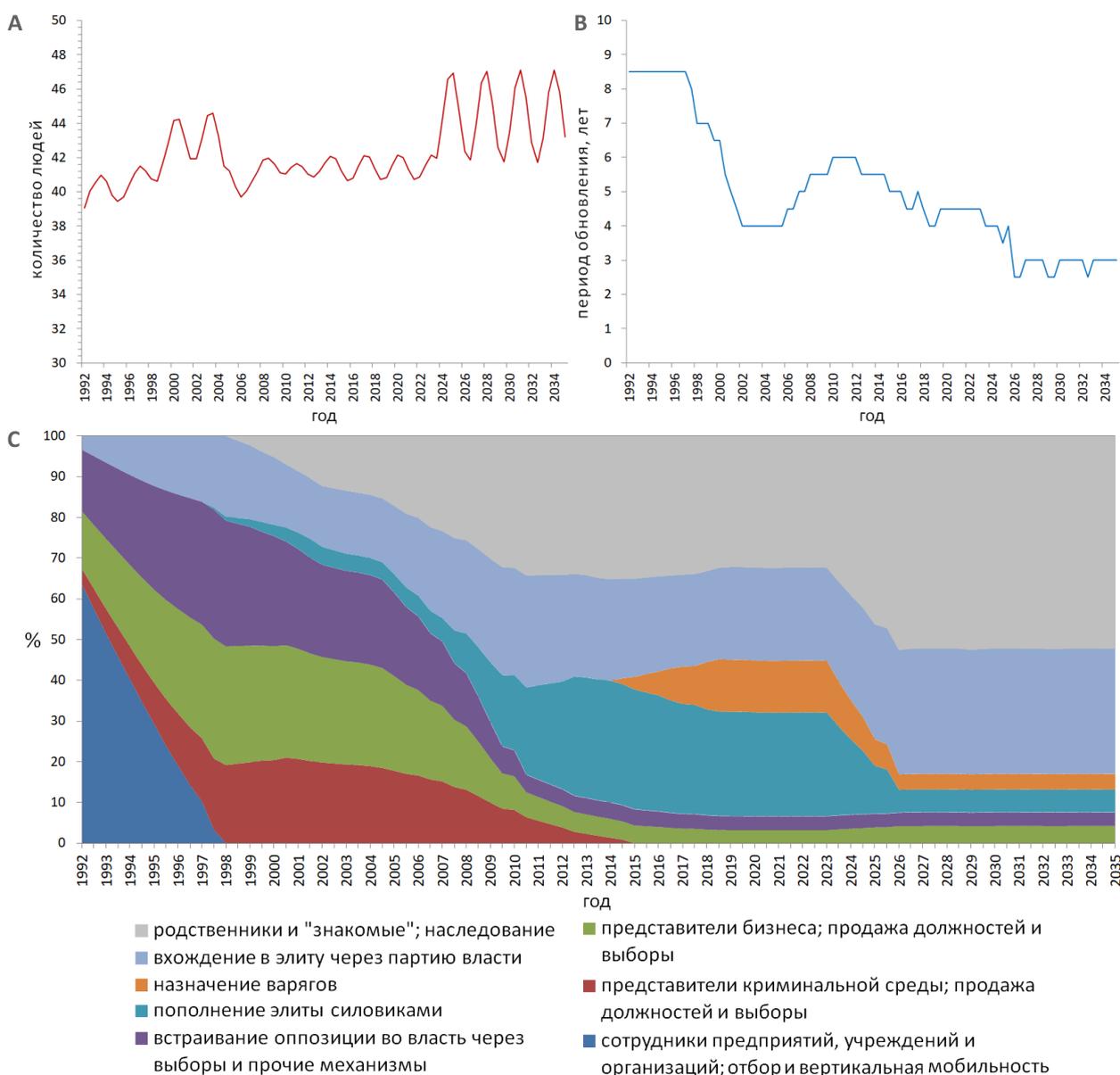

Рис. 10. Результаты моделирования, сценарий 5.2, высшее звено. А – динамика численности элиты. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Таким образом, все хитрые кадровые маневры преемников-регентов с целью добиться некоего демократического консенсуса, вопреки их воле и намерениям, привели лишь к

одному значимому результату – к форсированию старой тенденции к замыканию управленческой элиты. Консервация режима, оттягивание реформ в области управления, стремление власти оградить элиту от влияния мощных внешних сил – все это способствовало прогрессированию врожденного порока элиты – стремления увековечить свой статус и закрепить элитные позиции за «своими людьми».

Захватив, наконец, большинство позиций в аппарате управления, наследственная элита превратилась в закрытую социoproфессиональную группу, мало связанную с интересами управляемых обществ. Замещение должностей на основании личных (главном образом, родственных) связей окончательно подорвало легитимность элиты и ее качество, что выразилось в падении профессионализма и в неограниченном росте коррупции. Безусловно, такая ситуация была чужда меритократическим представлениям большинства населения о справедливых способах комплектования личного состава власти. Недоверие и ненависть должны были экстраполироваться и на вторую по численности группу элиты – выдвиженцев партии власти.

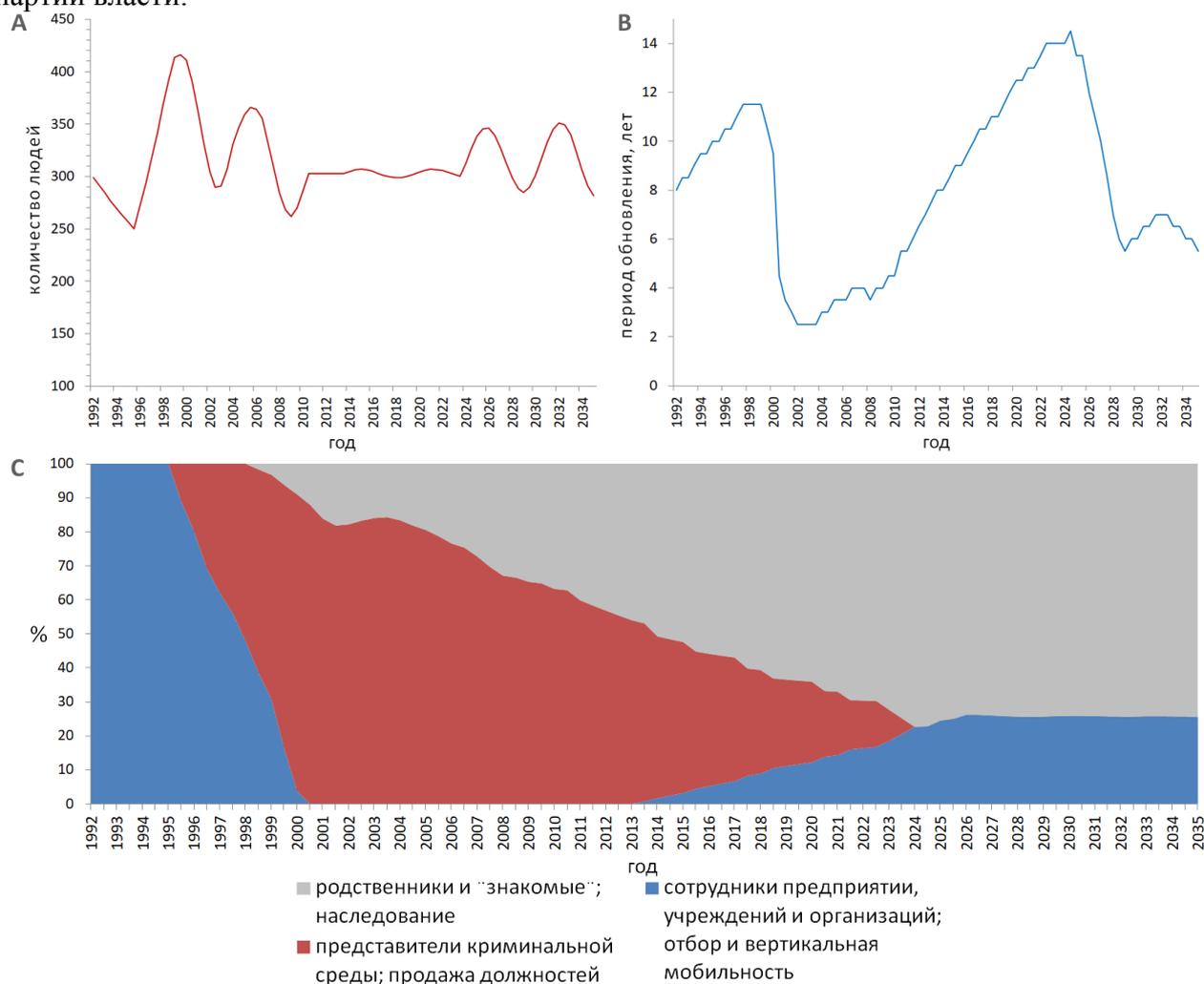

Рис. 11. Результаты моделирования, сценарий 5.2, среднее и низшее звенья. А – динамика суммарной численности звеньев. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Дихотомия «родственники – партийцы» была воспроизведена также в низшем и среднем звеньях элиты. На рис. 11С новобранцы, пополнившие элиту через механизмы отбора и вертикальной мобильности, являются выдвиженцами партии власти, поскольку именно региональные органы партии власти поддерживали эти механизмы. Таких людей в составе элиты оказалось абсолютное меньшинство – около 26% к 2027 г. и далее. Остальные позиции заняли «родственники и знакомые».

Несмотря на то, что «родственники и знакомые», как правило, склонны имитировать лояльность по отношению к центральным властям, такая их позиция является скорее тактическим приемом в целях выживания. В целом, результаты политики «регентства» относительно региональных элит и регионального управления являются катастрофическими в краткосрочной перспективе. Это позволяет предположить, что социополитическая ситуация в регионах должна была дестабилизироваться и выйти из-под контроля центра уже к следующим президентским выборам 2036 г.

Вертикализация

Сценарий 5.3 также стартует в 2024 г. после гипотетического отказа В.В. Путина переизбираться на новый срок. Несмотря на то, что власть перешла к преемникам прежнего президента, трансфер был отягощен внешним вмешательством, внутренними расколами, сетевыми и уличными протестами. Это заставило преемников – выходцев, главным образом, из силового блока – искать варианты укрепления политической системы (в том числе на региональном уровне). Распространилось убеждение, что инерционный сценарий мог давать приемлемые результаты «только при Путине» и теперь «пора что-то менять».

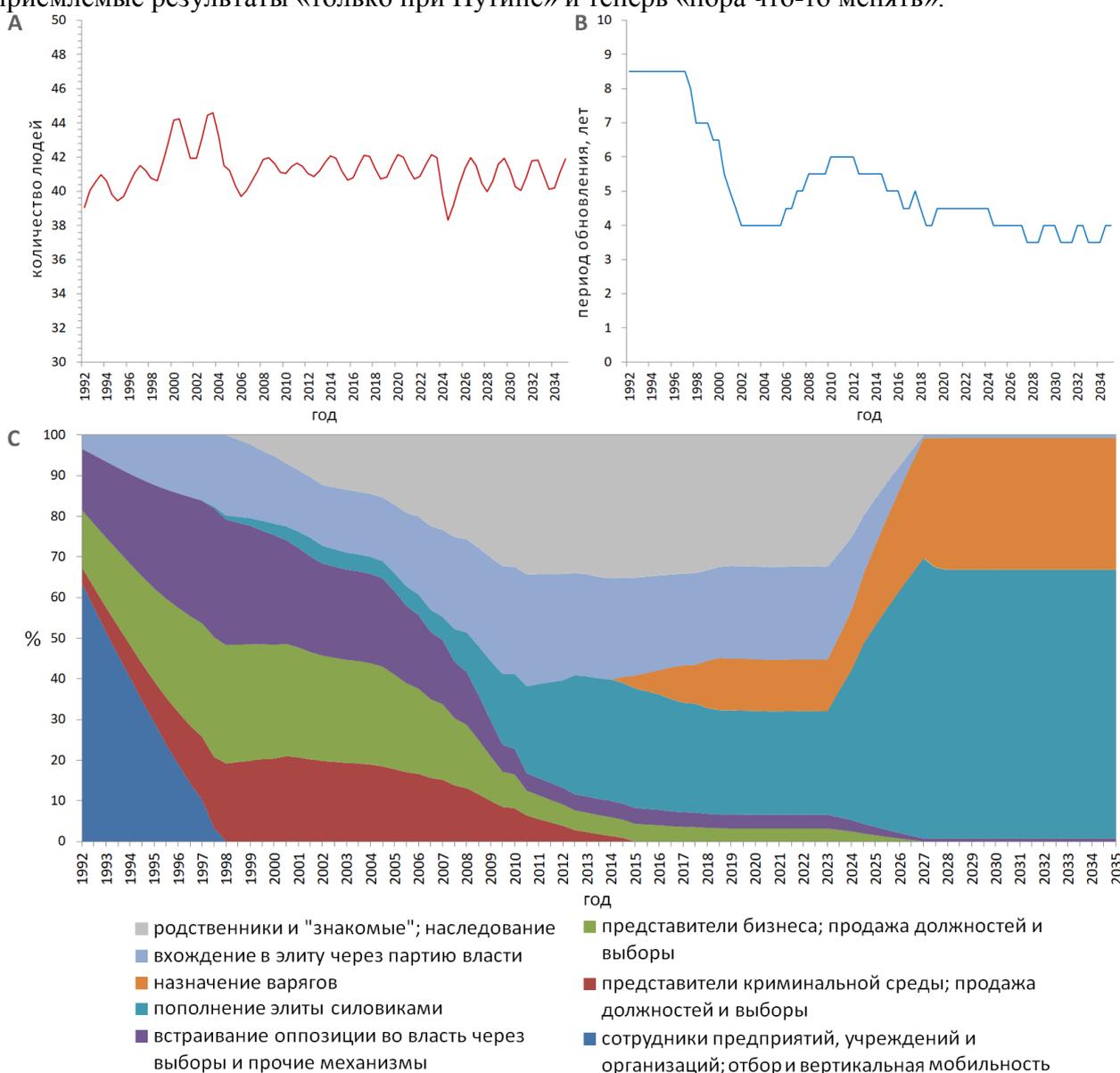

Рис. 12. Результаты моделирования, сценарий 5.3, высшее звено. А – динамика численности звена. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Несмотря на то, что эта альтернатива внешне не похожа на предшествующий сценарий 5.2 (и, в некотором смысле, противоположна ему), это, по существу, еще одна вариация политики «регентства». Понимая угрозы, возникшие из-за исчезновения ключевого элемента политической системы – харизматического лидера, – преемники Путина попытались воспроизвести наиболее эффективные рецепты путинской политики в отношении регионов и региональных элит. Речь идет об усилении вертикали власти. Вертикализация воспринималась как понятное, испытанное и эффективное средство, хорошо знакомое многим преемникам, карьера которых от начала до конца была обусловлена логикой построения и функционирования вертикали власти.

Вертикализация предусматривала введение, фактически, генерал-губернаторств – прямого управления регионами из федерального центра. Верхние слои региональных управленческих аппаратов интенсивнее, нежели в предшествующий период, насыщались силовиками как наиболее лояльными и дееспособными управленцами. Почти все ключевые посты в регионах были зарезервированы за варягами – непосредственными эмиссарами центра. Партия власти была фактически преобразована в политическое крыло силовых структур. Таким образом, была проведена своеобразная департаизация, когда ни «Единая Россия», ни оппозиционные партии не могли играть значимую роль в формировании местной элиты. Партии рассматривались как, во-первых, архаичный инструмент, малоспособный к управлению политическими процессами, и, во-вторых, как плохо контролируемый источник коррупции и лоббизма. Значение выборов как способа рекрутирования элит было сведено к нулю. Таким образом, возникла классическая двойственность имитационных (демократических) практик и реальных властных (силовых) институтов.

Результаты вертикализации в высшем звене региональной элиты (рис. 12) превзошли все ожидания творцов этой политики. Очень быстро силовики и варяги вытеснили всех конкурентов и практически полностью заполнили элиту: в 2027 г. и далее 69% позиций удерживали силовики и 29,6% – варяги. Силовики и варяги смогли выдавить «родственников и знакомых» – т.е. сделать то, что не смогли осуществить партийцы (в сценарии 5.2) и даже бизнес и криминал (в сценарии 5.4).

Среди прочего, такая виртуальная будущая альтернатива свидетельствует о том, что реальная современная система рекрутирования содержит значительный потенциал для быстрой милитаризации региональных режимов.

По сравнению с «регентством» вертикализация, конечно, вела к формированию более качественной (профессиональной и мало коррумпированной) и более лояльной центру элиты. Однако данный сценарий содержит две критические проблемы.

Во-первых, как и в сценарии «регентства», региональные власти должны были испытывать существенный дефицит легитимности. Сформировавшееся высшее звено элиты в социальном плане оказалось весьма гомогенно: оно не содержало представителей разнообразных социальных сил и было переполнено выходцами из других регионов. В таких условиях практически неизбежными были изоляция элиты от регионального общества, разрыв обратных связей (от управляемых к управляющим), накопление контрэлиты и рост ее агрессивности, проблемы с выработкой баланса между местными силами, а также региональными и федеральными интересами. Эта проблема должна была усугубляться тем обстоятельством, что режим явного доминирования силовиков не имел достаточно развитых средств для имитации легитимности посредством выборных процедур и партийной борьбы. Принципы и механизмы комплектования личного состава власти были абсолютно непрозрачными и кабинетными – т.е. непонятными региональному обществу.

Во-вторых, в ходе вертикализации возник качественный разрыв между высшим звеном элиты, с одной стороны, и средним и низшим звеньями – с другой. Силовики не проникали в нижние слои управленческой иерархии, поскольку не имели для этого ни компетенций, ни мотивов, ни механизмов. Система рекрутирования, которая сложилась в результате вертикализации, почти полностью игнорировала необходимость тщательного отбора и, при необходимости, санации нижних слоев элиты. Единственный инструмент вертикали власти –

система фильтров и запретов – мешал пополнению этих слоев криминалом и случайными людьми, но не мог обеспечить нормальное воспроизводство кадров. В результате такой политики численность низшего и среднего звеньев (рис. 13А) катастрофически снизилась; в составе элиты абсолютного доминирования добавились «родственники и знакомые» (от 71 до 78% позиций в разные годы, см. рис. 13С).

Поскольку не были созданы новые механизмы рекрутирования, попытки удержать старые кадры (изначально не очень качественные) вели к постоянному росту периода обновления (рис. 13В), который к 2035 г. достиг 17,5 лет. Хотя эта величина сама по себе не является критичной, но тенденция к ее росту обнаруживает крайне негативное явление. Конечно, такой кадровый коллапс мог возникнуть лишь в виртуальной модели: в реальности некоторые позиции должны были замещаться в обход системы рекрутирования, в ручном режиме. Но этот коллапс указывает на вполне вероятный провал кадровой политики и на высокую вероятность возникновения мощного противостояния между силовой (ориентированной на федеральный центр) верхушкой элиты и традиционалистским (ориентированным на узкие локальные интересы) большинством административного аппарата.

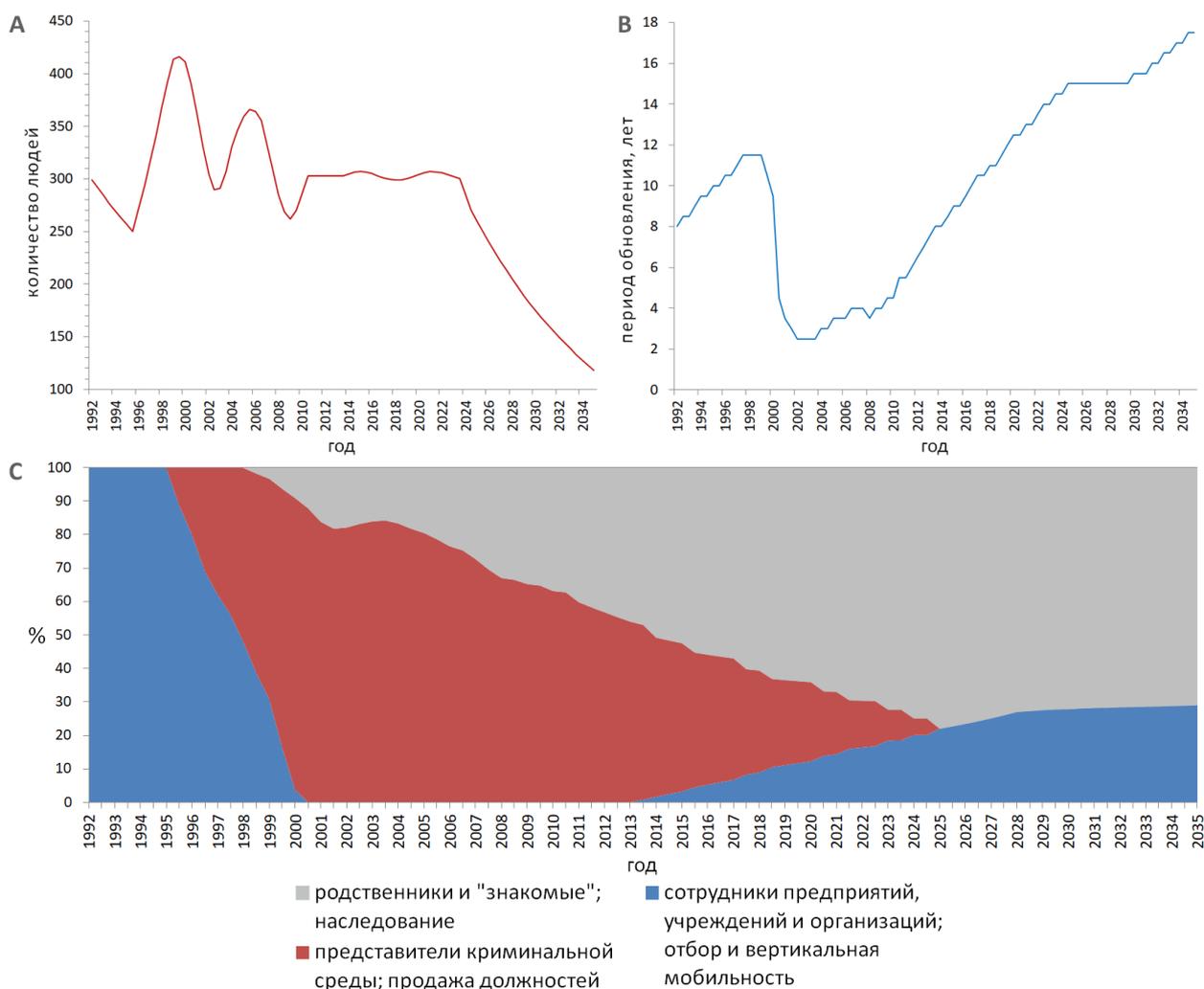

Рис. 13. Результаты моделирования, сценарий 5.3, среднее и низшее звенья. А – динамика суммарной численности звеньев. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Анализ сценария 5.3 подталкивает к мысли, что потенциал политики закручивания гаек не бесконечен. Далее определенного предела она вызывает дисбалансы и становится контрпродуктивной. Мы не беремся утверждать, что этот предел достигнут сейчас

(собственно, в реалистичном модельном сценарии этот предел не просматривается), но мы можем быть уверены, что такой предел есть и может быть легко преодолен современным государством.

«Украинизация»

Сценарий 5.4 исходит из того, что в первой половине 2024 г., после завершения четвертого срока В.В. Путина, в ходе «российского майдана» происходит быстрое возвращение к «ельцинской демократии» и построению «гражданского общества» образца 1998 г. Вводные данные этого сценария емко описываются словами, приписываемыми Александру I: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке». Экономический кризис, предательство элит, олигархический реванш и социальная деградация являются фоном этого сценария.

Безусловно, нет оснований полагать, что исторические состояния больших социополитических систем могут быть воспроизведены с высокой точностью спустя значительное время. Однако математическая модель на основании одинаковых вводных данных вполне закономерно воспроизведет одинаковые (или, по меньшей мере, весьма схожие) результаты. Некоторое различие результатов может быть обусловлено разницей стартовых условий развала СССР и крушения «путинской России». Нас, поэтому, интересует в этом сценарии, главным образом, не исход (который очевиден), а скорость «украинизации».

Во всех звеньях элиты уже к началу 2028 г. (т.е. через четыре года после старта сценария) было примерно восстановлено соотношение сил, свойственное позднеельцинскому периоду (рис. 14 и 15). Основными группами в верхнем звене стали представители бизнеса (24,3% в 2028 г., 27% в 2035 г.), криминала (18,5% в 2028 г. и 20,9% в 2035 г.) и оппозиции (21,3% в 2028 г., 23,6% в 2035 г.). Лояльность, качество и легитимность региональных элит, соответственно, вернулись к показателям 1998 г., что должно было обусловить скоротечную деградацию регионального управления и перманентный административно-политический кризис.

В среднем и низшем звеньях криминал вернул себе господствующее положение еще в первой половине 2026 г., захватив 50,5% позиций (87,1% в 2028 г., 88,8% в 2035 г.) – рис. 15С. Период обновления низшего и среднего звеньев драматично сократился (рис. 15В). В некоторые моменты он был равен трем годам. Сокращение минимального периода обновления, очевидно, является отголоском похода криминала во власть, когда прежние управленцы быстро замещались новыми лицами.

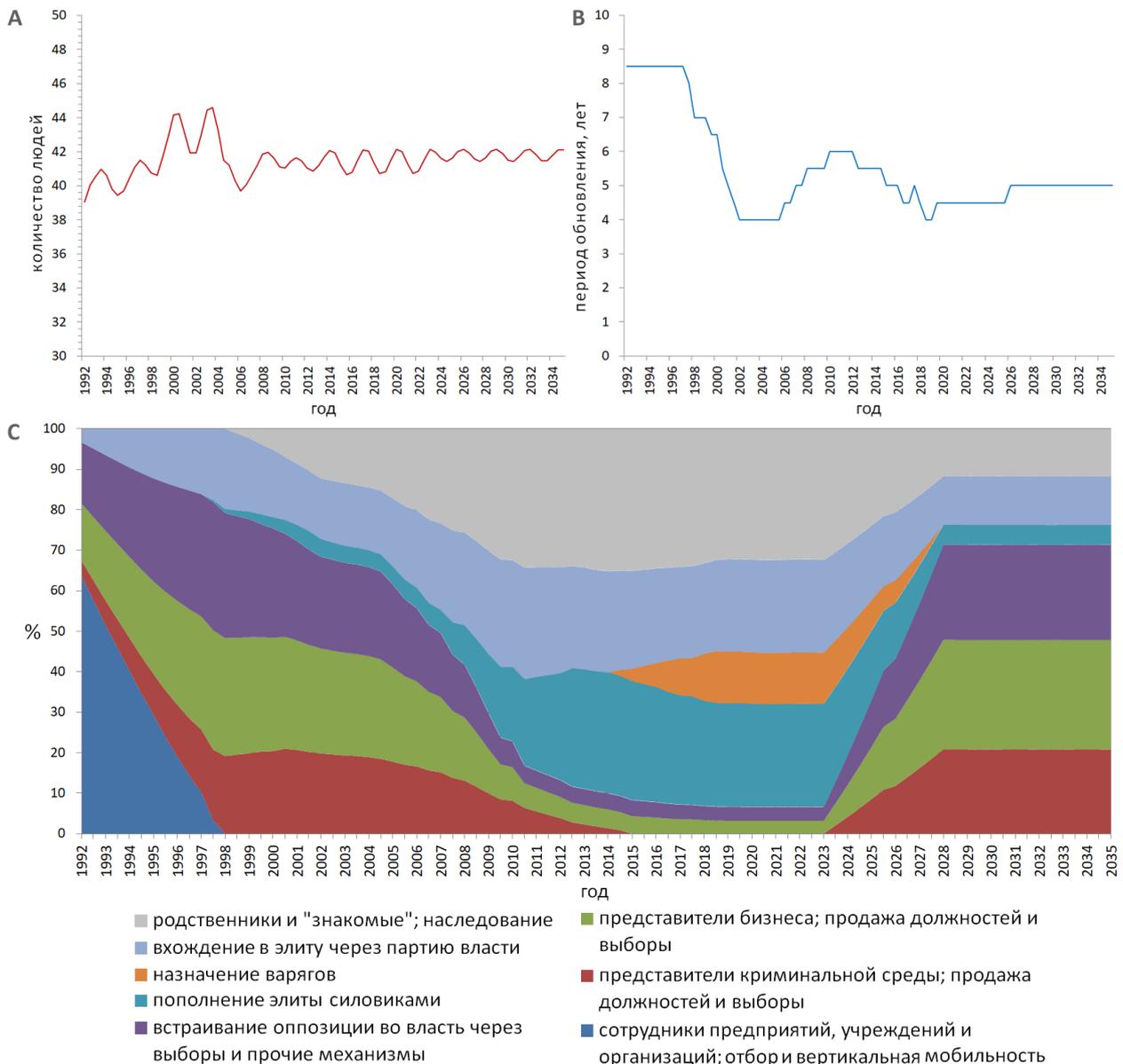

Рис. 14. Результаты моделирования, сценарий 5.4, высшее звено. А – динамика численности звена. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

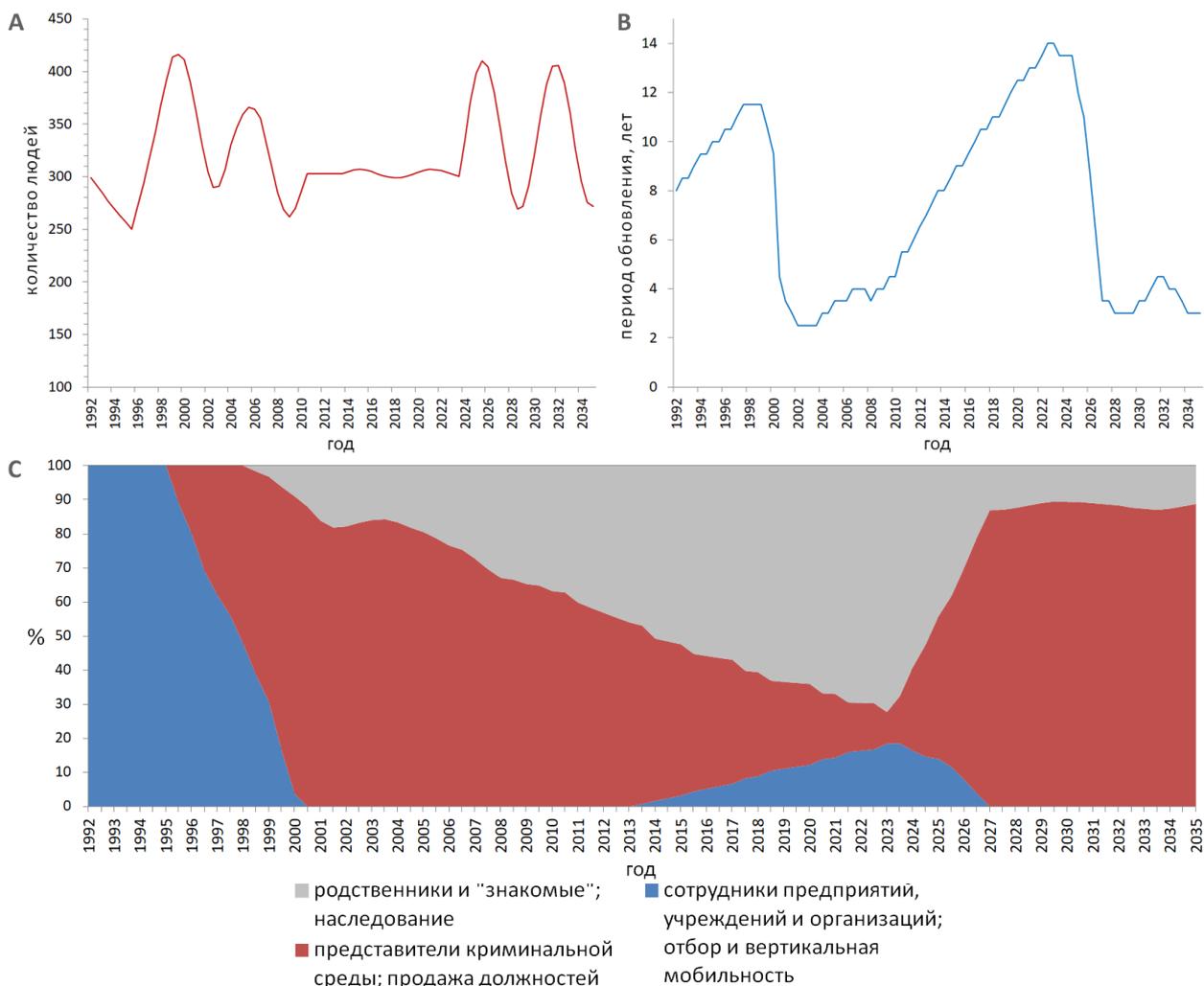

Рис. 15. Результаты моделирования, сценарий 5.4, среднее и низшее звенья. А – динамика суммарной численности звеньев. В – изменение минимального периода полного обновления. С – состав новобранцев в течение минимального периода полного обновления

Во всех звеньях «родственники и знакомые» значительно уступили влияние новым (точнее – вернувшимся прежним) «хозяевам жизни». Механизмы их подъема во власть оказались более быстрыми и мощными. «Родственники и знакомые», подобно тине, могут бурно разрастаться только в тихих заводях, отгороженных властью от бурных потоков. Однако, несмотря на все потрясения, доля «родственников и знакомых», в конечном итоге, стабилизировалась на уровне около 5% в высшем звене и 11% – в низшем и среднем звеньях.

Выводы

В течение 2022–2035 гг. драйвером государственной политики в отношении региональных элит останется, очевидно, стремление решить две фундаментальные проблемы: повышение качества элит и обеспечение их легитимности. Несмотря на то, что в рамках инерционного сценария третья проблема – поддержание лояльности элит – решена, нет оснований полагать, что сохранение статус-кво гарантирует исчезновение двух других проблем. Тем не менее инерционный сценарий не представляется катастрофическим и, следовательно, может быть избран для реализации в случае недостаточного внимания федерального центра к вопросам регионального управления.

Моделирование показало, что некоторые прогностические сценарии являются негативными и даже катастрофическими для прогресса региональных элит и, в целом, для отношений по линии «федеральный центр – регионы». Причем, подобные сценарии инициируются не только некоторыми маловероятными событиями вроде «русского

майдана» (сценарий 5.4 «Украинизация»), но и ошибочными действиями федеральной власти, связанными с ослаблением влияния на систему рекрутирования силовиков и варягов (сценарий 5.2 «Регентство»). Заметим также, что дальнейшая «вертикализация» власти, с успехом осуществленная ранее для санации элит, также имеет некоторый предел, далее которого следует скачкообразный рост дисбалансов (сценарий 5.3 «Вертикализация»).

Мы построили несколько вариаций сценария 5.1 «Технократия». Особое внимание к этому сценарию обусловлено тем, что он наиболее соответствует открыто декларируемым намерениям федеральной власти и мировым трендам в области социального реинжиниринга. Обнаружено, что введение единых принципов мониторинга и анализа, а также централизованного управления кадровыми процессами в регионах (сценарий 5.1.1) может решить все три ключевые проблемы эволюции элит. Однако и эта политика может иметь негативные эффекты в случае ее форсирования (сценарий 5.1.2). Наиболее гармоничным и продуктивным представляется сценарий «радикальной технократии» (5.1.3), в рамках которого государство не только занимается созданием институциональных пристроек, но и ликвидирует или ослабляет имеющиеся архаичные институты. Вместе с тем, сценарий 5.1.3 является маловероятным вследствие значительной трудозатратности предполагаемых реформ.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31122 опн «Альтернативные сценарии прошлого, настоящего и будущего: системно-динамическое моделирование политической трансформации региональных элит (Россия, 1991 – 2035 гг.)».

Приложение

Таблица 2

Вводные данные для прогностических сценариев

сценарий	дата старта*	элемент модели	изменение (по сравнению с инерционным сценарием)**
5.0 инерционный	п.п. 2020 (71 такт)	все элементы	все параметры фиксируются на уровне 2019 г.
5.1.1 "Умеренная технократия"	п.п. 2021 (73 такт)	воздействие федерального центра на механизмы «отбор3» и «отбор4» (см. рис. 16 в Приложении)	постепенное достижение (в течение двух лет, начиная с 2021) максимального стимулирования механизмов отбора со стороны федерального центра
		воздействие федерального центра на механизм «отбор2»	увеличение в 3 раза (в течение трех лет, начиная с 2021 г.) стимулирования со стороны федерального центра по отношению к притоку варягов
5.1.2 "Форсированная технократия"	п.п. 2021 (73 такт)	воздействие федерального центра на механизмы «отбор3» и «отбор4» (см. рис. 16 в Приложении)	постепенное достижение (в течение четырех лет, начиная с 2021) стимулирования, превышающего максимальный уровень в 3 раза, механизмов отбора со стороны федерального центра
		воздействие федерального центра на механизм «отбор2»	увеличение в 3 раза (в течение трех лет, начиная с 2021 г.) стимулирования со стороны федерального центра по отношению к притоку варягов
5.1.3 "Радикальная технократия"	п.п. 2021 (73 такт)	воздействие федерального центра на механизмы «отбор3» и «отбор4» (см. рис. 16 в Приложении)	постепенное достижение (в течение двух лет, начиная с 2021) максимального стимулирования механизмов отбора со стороны федерального центра
		воздействие федерального	увеличение в 3 раза (в течение трех лет, начиная

сценарий	дата старта*	элемент модели	изменение (по сравнению с инерционным сценарием)**
		центра на механизм «отбор2»	с 2021 г.) стимулирования со стороны федерального центра по отношению к притоку варягов
		механизмы «выбытие из элиты 1» и «выбытие из элиты 2»	на 79 такте в 2024 г. единовременный сброс 20% от текущей численности звеньев
		механизмы «наследование1» и «наследование2»	отключены, начиная с 76 такта, постепенно в течение двух лет
		акторы «центральные органы партии власти» и «региональные организации партии власти»	ослабление влияния данных акторов на другие акторы, на механизмы, а также в целом на региональную политику на 80% с 76 по 82 такт
		акторы «администрация региона» и «локальные администрации»	ослабление влияния данных акторов на другие акторы, на механизмы, а также в целом на региональную политику на 60% с 76 по 82 такт
5.2 "Регентство"	п.п. 2024 (79 такт)	актор «силовики»	ослабление влияния данного актора на другие акторы, на механизмы, а также в целом на региональную политику на 50%
		поддержка актора «силовики» со стороны федерального центра	сокращение на 50%
		воздействие федерального центра на механизм «отбор2»	сокращение на 50% поддержки со стороны федерального центра по отношению к притоку варягов
		акторы «центральные органы партии власти» и «региональные организации партии власти»	усиление влияния данных акторов на другие акторы, на механизмы, а также в целом на региональную политику на 50%
		акторы «администрация региона» и «локальные администрации»	усиление влияния данных акторов на другие акторы, на механизмы, а также в целом на региональную политику на 20%
		механизм «выборы»	увеличение максимальной пропускной способности механизма на 20%
5.3 "Вертикализация"	п.п. 2024 (79 такт)	воздействие федерального центра на механизм «отбор2»	увеличение в 3 раза (в течение двух лет, начиная с 2024 г.) стимулирования со стороны федерального центра по отношению к притоку варягов
		актор «силовики»	увеличение влияния данного актора на другие акторы, на механизмы, а также в целом на региональную политику в 2 раза
		механизм «выборы»	сокращение максимальной пропускной способности механизма до околонулевой отметки (0,1)
		акторы «центральные органы партии власти» и «региональные организации партии власти»	сокращение влияния данных акторов на другие акторы, на механизмы, а также в целом на региональную политику на 80%
5.4 "Украинизация"	п.п. 2024 (79	все элементы	все параметры фиксируются на уровне 1998 г. (27 такт)

сценарий	дата старта*	элемент модели	изменение (по сравнению с инерционным сценарием)**
	такт)		

* п.п. – первое полугодие.

** Если в колонке «изменение...» не оговорено иное, то начало изменений совпадает с датой старта сценария. Если не оговорено иное, элемент после завершения изменений фиксируется: его величина не возвращается к исходному состоянию.

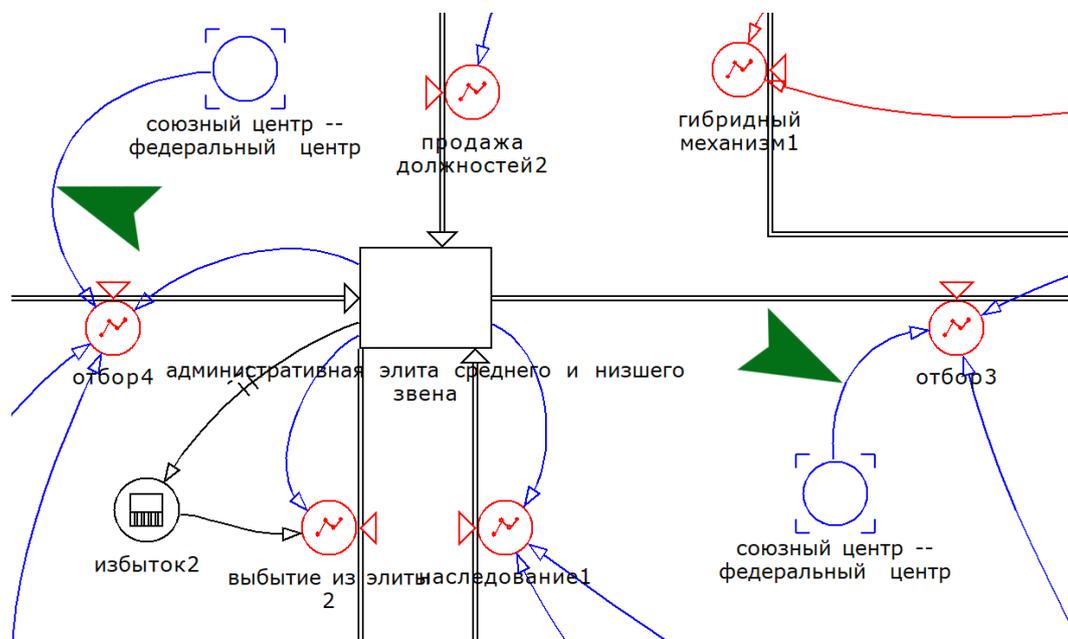

Рис. 16. Диаграмма запасов и потоков, фрагмент. *Пояснение:* зеленые маркеры указывают на новые связи, которые добавлены в модель в сценариях 5.1.1, 5.1.2 и 5.1.3.

Литература

1. *Ахременко А.С.* Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // *Полис. Политические исследования.* – 2009. – № 3. – С. 105-112.
2. *Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б.* Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты.* – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 24-66.
3. *Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б.* Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // *Власть и элиты.* – 2017. – Т. 4. – С. 147-169.
4. *Гаман-Голутвина О.В.* Метафизические измерения трансформаций российских элит // *Политическая концептология.* – 2012. – № 3. – С. 38-53.
5. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
6. *Гараедаги Дж.* Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. – Минск: Гревцов Букс. 2010. – 480 с.
7. *Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б.* Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // *Власть и элиты.* – 2016. – Т. 3. – С. 121-186.
8. *Дука А.В.* Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // *Власть и элиты.* – 2014. – Т. 1. – С. 399-436.
9. *Жуков Д.С.* Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // *Журнал политических исследований.* – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 70-79. - DOI: 10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79

10. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. «Развилка» 1996 года и российские региональные элиты: гипотетические сценарии трансформации // Власть и элиты. – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 46-75. DOI: 10.31119/pe.2020.7.1.3
11. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Системная динамика российской региональной элиты (1985 - 2019 гг.): альтернативные сценарии // Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 40-74. URL: <https://naukaru.ru/ru/storage/download/44074> (дата обращения: 24.02.2021).
12. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Барабаш Н.С. Системно-динамическая модель воспроизводства региональных элит в СССР и России // Инноватика и экспертиза: научные труды. – 2020. – №1. – С. 90-102.
13. Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: автореферат дис. ...доктора политических наук. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 39 с.
14. Магомедов А.К. Мистерия регионализма: региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – Москва: МОНФ, 2000. – 224 с.
15. Магомедов А.К. Политическая элита и политическая идеология: рождение символически-смысловой системы регионализма в постсоветской России. – Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, 2018. – 246 с.
16. Медоуз Д. Азбука системного мышления. – Москва: Бином, Лаборатория знаний, 2011. – 343 с.
17. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.). – Пермь: ПГТУ, 1998. – 256 с.
18. Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. – Пермь: ПГТУ, 2000. – 204 с.
19. Нечаев В.Д. Децентрализация, демократизация и эффективность. Реформа федеративных отношений и местного самоуправления через призму теории эффективной децентрализации // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 92-101.
20. Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. – Тамбов: ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – 592 с.
21. Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. Рекрутирование региональной административно-политической элиты России, 1990-2017 гг.: подходы к построению системно-динамической модели // Журнал политических исследований. – 2017. – Т. 1. – № 4. – С. 78-101. URL: <https://riorgpub.com/ru/nauka/article/19598/view> (дата обращения: 24.02.2021).
22. Федорченко С.Н. Автократия в цифровой вселенной: перспективы и угрозы политической легитимации // Журнал политических исследований. – 2020. – № 4. – С. 12-24. - DOI: 10.12737/2587-6295-2020-12-24.
23. Федорченко С.Н. Государственная кадровая политика в Советском Союзе и современной России: политико-философский анализ. – Москва: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2017. – 154 с.
24. Федорченко С.Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и "мягкой силы" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 41-53. - DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53
25. Форрестер Дж. Мировая динамика. – Москва: Наука, 1978. – 168 с.
26. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. – 414 с.
27. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 88-105.

28. Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A.P. Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? // 2nd International Symposium “Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements in Economic and Managerial Theory and Practice”. – Roma: Universitas Mercatorum, 2014. – P. 1-22.
29. Axelrod R. Modeling Security Issues of Central Asia. – Ann Arbor: University of Michigan, 2004. – 23 p.
30. Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M. Using system dynamics to model and better understand state stability // MIT Sloan Research Paper. – 2007. Iss. 4661-07. – P. 1–42. URL: <https://ssrn.com/abstract=1011230> (дата обращения: 24.02.2021).
31. Gilbert N., Ahrweiler P., Barbrook-Johnson P., Narasimhan K.P., Wilkinson H. Computational modelling of public policy: Reflections on practice // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2018. – Vol. 21. – Iss. 1. – P. 14. - DOI: 10.18564/jasss.3669.
32. Ledyayev V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power. – 2014. – Vol. 7. – Iss. 2. – P. 211-231.
33. Ledyayev V., Chirikova A. Business in the power structure of small Russian towns // Europe-Asia Studies. – 2020. – T. 72. – Iss. 4. – P. 686-711.
34. Ledyayev V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government // Urban Affairs Review. – 2017. – Vol. 53. – Iss. 6. – P. 990-1024.
35. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction // European politics and society. – 2019. – Vol. 20. – Iss. 3. – P. 315-332.
36. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Urban regimes in small Russian towns // City & Community. – 2019b. – Vol. 18. – Iss. 3. – P. 812-833.
37. Mac Sithigh D., Siems M. The chinese social credit system: A model for other countries? // The Modern Law Review. – 2019. – Vol. 82. – Iss. 6. – P. 1034–1071. DOI: 10.1111/1468-2230.12462.
38. Sharafutdinova G., Turovsky R. The politics of federal transfers in Putin's Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities // Post-Soviet Affairs. – 2017. – Vol. 33. – Iss. 2. – P. 161-175.
39. Sorci P. Measuring the impact of a state’s legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling // Rangsit Journal of Social Sciences and Humanities. – 2015. – Vol. 2. – Iss. 2. – P. 49-65.
40. Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia’s regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers // European Politics and Society. 2017. – Vol. 18. – Iss. 4. – P. 529-551.

References

1. Akhremenko A.S. Dinamicheskiy podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil'nosti [A dynamic approach to mathematical modeling of political stability]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Policy. Policy research]. 2009, I. 3, pp. 105–112. (In Russian).
2. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Institutsionalizatsiya politicheskoy elity: istochniki rekrutirovaniya i kar'yera [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2019, V. 6, I. 2, pp. 24–66. (In Russian).
3. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Regional'nyye vlastnyye gruppy: osnovnyye sotsial'no-strukturnyye kharakteristiki i rol' v razvitii sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Regional power groups: main social and structural characteristics and role in the development of modern Russian society]. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2017, V. 4, pp. 147–169. (In Russian).
4. Gaman-Golutvina O.V. Metafizicheskie izmereniya transformatsiy rossiyskikh elit [Metaphysical measurements of transformations of Russian elites]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. 2012, I. 3, pp. 38–53. (In Russian).

5. Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsiyu*. [Political Elites of Russia: Milestones in Historical Evolution]. M., ROSSPEN Publ., 2006. 448 p. (In Russian).
6. Gharajedaghi J. *Sistemnoe myshlenie. Kak upravlyat' khaosom i slozhnymi protsessami: Platforma dlya modelirovaniya arkhitektury biznesa* [Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity: A Platform for Designing Business Architecture]. Minsk, Grevtsov Books Publ., 2010, 480 p. (In Russian).
7. Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Regional'nyye vlastnyye gruppy: osnovnyye sotsial'no-strukturnyye kharakteristiki i innovatsionnyy potentsial. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2016, V. 3, pp. 121–186. (In Russian).
8. Duka A.V. Vlast' mezhdru traditsionnost'yu i sovremennost'yu (elity rossiyskoy periferii). *Vlast' i elity* [Power and elites], 2014, V. 1, pp. 399–436. (In Russian).
9. Zhukov D.S. Iskusstvennyy intellekt dlya obshchestvenno-gosudarstvennogo organizma: budushcheye uzhe startovalo v Kitaye [Artificial intelligence for society and government: the future has already begun in China]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2020, V. 4, I. 2, pp. 70-79, DOI: 10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79 (In Russian).
10. Zhukov D.S., Seltser D.G., Barabash N.S. Sistemno-dinamicheskaya model' vosproizvodstva regional'nykh elit v SSSR i Rossii [System dynamic model of reproduction of regional elites in the USSR and Russia]. *Innovatika i ekspertiza: nauchnyye trudy* [Innovation and Expertise: Research Publications], 2020, I. 1, pp. 90–102. (In Russian).
11. Zhukov D.S., Seltser D.G. "Razvilka" 1996 goda i rossiyskiye regional'nyye elity: gipoteticheskiye stsenarii transformatsii [The bifurcation of 1996 and Russian regional elites: Hypothetical scenarios of transformation]. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. 2020, V. 7, I. 1, pp. 46-75. DOI: 10.31119/pe.2020.7.1.3 (In Russian).
12. Zhukov D.S., Seltser D.G. Sistemnaya dinamika rossiyskoy regional'noy elity (1985 — 2019 gg.): al'ternativnyye stsenarii [System dynamics of the Russian regional elite (1985 - 2019): alternative scenarios]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2019, I. 4, pp. 40–74. (In Russian).
13. Lapina N.Y. *Regional'nyye elity: protsessy formirovaniya i mekhanizmy vzaimodeystviya v sovremennoy rossiyskom obshchestve: avtoreferat dis. ...doktora politicheskikh nauk* [Regional elites: processes of formation and mechanisms of interaction in modern Russian society: abstract of dis. ... doctors of political sciences]. M., 2004, 39 p. (In Russian).
14. Magomedov A.K. *Misteriya regionalizma: regional'nyye pravyashchiye elity i regional'nyye ideologii v sovremennoy Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya «snizu» (sravnitel'nyy analiz na primere respublik i oblastey Povolzh'ya)* [Mystery of regionalism: regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction "from below" (comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga region)]. M., MONF Publ., 2000, 224 p. (In Russian).
15. Magomedov A.K. *Politicheskaya elita i politicheskaya ideologiya: rozhdeniye simvolicheskimi smyslovoy sistema regionalizma v postsovetskoy Rossii* [Political elite and political ideology: the birth of a symbolic-semantic system of regionalism in post-Soviet Russia]. Ulyanovsk, Publishing House of the Ulyanovsk State University, 2018, 246 p. (In Russian).
16. Meadows D. *Azbuka sistemnogo myshleniya* [Thinking in Systems: A Primer]. M., Laboratory of Knowledge Publ., 2011, 343 p. (In Russian).
17. Mokhov V.P. *Elitizm i istoriya. Problemy izucheniya sovetskikh regional'nykh elit* [Elitism and history. Problems of studying Soviet regional elites]. Perm', PSTU Publ., 2000, 204 p. (In Russian).
18. Mokhov V.P. *Evolyutsiya regional'noy politicheskoy elity Rossii (1950–1990 gg.)* [The evolution of the regional political elite of Russia (1950–1990)]. Perm, PSTU Publ., 1998, 256 p. (In Russian).
19. Nechaev V.D. Detsentralizatsiya, demokratizatsiya i effektivnost'. Reforma federativnykh otnosheniy i mestnogo samoupravleniya cherez prizmu teorii effektivnoy detsentralizatsii [Decentralization, democratization and efficiency. Reform of federal relations and local self-

- government through the prism of the theory of effective decentralization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research]. 2003, I. 3, pp. 92–101. (In Russian).
20. Seltser D.G. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The ups and downs of the nomenclature]. Tambov, OGUP Tambovpolygraphizdat Publ., 2006, 592 p. (In Russian).
21. Seltser D.G., Zhukov D.S. Rekrutirovanie regional'noy administrativno-politicheskoy elity Rossii, 1990–2017 gg.: podkhody k postroeniyu sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruiting the regional administrative and political elite of Russia, 1990–2017: approaches to building a system-dynamic model]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Politic Research]. 2017, V. 1, I. 4, pp. 78–101. Available at: <https://riorpub.com/ru/nauka/article/19598/view>. (In Russian).
22. Fedorchenko S.N. Avtokratiya v tsifrovoy vseleynoy: perspektivy i ugrozy politicheskoy legitimatsii [Autocracy in the digital universe: prospects and threats of political legitimation] // *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2020, I. 4, pp. 12-24. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-12-24> (In Russian).
23. Fedorchenko S.N. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Sovetskom Soyuze i sovremennoy Rossii: politiko-filosofskiy analiz* [State personnel policy in the Soviet Union and modern Russia: political and philosophical analysis]. M., Research and Publishing Center INFRA-M Publ., 2017, 154 p. (In Russian).
24. Fedorchenko S.N. Znachenie iskusstvennogo intellekta dlya politicheskogo rezhima Rossii: problemy legitimnosti, informatsionnoy bezopasnosti i "myagkoy sily" [The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: Problems of legitimacy, information security and soft power]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences]. 2020, I. 1, pp. 41-53, DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53 (In Russian).
25. Forrester J. *Mirovaya dinamika* [World dynamics]. M., Science Publ., 1978, 168 p. (In Russian).
26. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian city]. M., HSE Publishing House, 2017, 414 p. (In Russian).
27. Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov Predposylki i osnovnye etapy detsentralizatsii gosudarstvennoy vlasti v Rossii [Power in a small Russian city: configuration and interaction of major actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research]. 2014, I. 2, pp. 88–105. (In Russian).
28. Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A. P. Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? *2nd International Symposium "Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements in Economic and Managerial Theory and Practice"*. Roma, Universitas Mercatorum Publ., 2014, pp. 1–22.
29. Axelrod R. *Modeling Security Issues of Central Asia*. Ann Arbor, University of Michigan Publ., 2004, 23 p.
30. Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M. Using system dynamics to model and better understand state stability. *MIT Sloan Research Paper*, 2007, I. 4661-07, pp. 1–42. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1011230>. (Accessed: 24.02.2021).
31. Gilbert N., Ahrweiler P., Barbrook-Johnson P., Narasimhan K.P., Wilkinson H. Computational modelling of public policy: Reflections on practice, *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2018, V. 21, I. 1, pp. 14. DOI: 10.18564/jasss.3669.
32. Ledyayev V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community, *Journal of Political Power*, 2014, V. 7, I. 2, pp. 211–231.
33. Ledyayev V., Chirikova A. Business in the power structure of small Russian towns, *Europe-Asia Studies*, 2020, V. 72, I. 4, pp. 686–711.
34. Ledyayev V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government, *Urban Affairs Review*, 2017, V. 53, I. 6, pp. 990–1024.
35. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction, *European politics and society*, 2019, V. 20, I. 3, pp. 315–332.

36. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Urban regimes in small Russian towns, *City & Community*, 2019, V. 18, I. 3, pp. 812–833.
37. Mac Síthigh D., Siems M. The chinese social credit system: A model for other countries? *The Modern Law Review*, 2019, V. 82, I. 6, pp. 1034–1071. DOI: 10.1111/1468-2230.12462
38. Sharafutdinova G., Turovsky R. The politics of federal transfers in Putin's Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities, *Post-Soviet Affairs*, 2017, V. 33, I. 2, pp. 161–175.
39. Sorci P. Measuring the impact of a state's legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling, *Rangsit Journal of Social Sciences And Humanities*, 2015, V. 2, I. 2, pp. 49–65.
40. Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers, *European Politics and Society*, 2017, V. 18, I. 4, pp. 529–551.